

ЕКАТЕРИНА
СОБОЛЬ

ПРОРВИСЬ
СКВОЗЬ
ТЕНЬ

АНЮША

СЕРЕБРЯНЫЙ
ЯСТРЕБ

Анима

Екатерина Соболев
Серебряный Ястреб

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Серебряный Ястреб / Е. Соболь — «Росмэн», 2019 — (Анима)

ISBN 978-5-353-09235-3

Одержав первую, и пока единственную, победу в борьбе с Империей Ястребов, обитатели земель золотой магии уже готовы праздновать. Но Империя так просто не сдается. Тень направляет в мятежные края своего агента, который должен помешать золотому стрижу и его другу Райлану создать духа-защитника золотой земли. Находчивый, рвущийся к цели Ларри готов выполнить задание Тени любой ценой. Его долг – быть безжалостным и беспощадным, но неожиданно местным дикарям удается раздуть в его сердце искру добра. Что делать с этой глупой искрой? Конечно, задуть и вернуться к выполнению своей миссии. Но испытывать чувства, оказывается, так интересно. Восторг, любовь, счастье – и печаль, ненависть, отчаяние. Что же получится, когда золото и Тень сойдутся воедино?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09235-3

© Соболь Е., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Соболев

Серебряный Ястреб

© Екатерина Соболев, текст, 2019

© ООО «РОСМЭН», 2019

Пролог

Золотая магия – повсюду. Даже когда была запрещена, даже когда мы жили без нее (что просто смешно, потому что лично мы из нее состоим, и это все равно что велеть камню не быть камнем). И если вам, прямо как мне сейчас, очень нужна хоть крупица волшебства, то вот простой способ ее найти.

Вообще-то это секрет, но я не слишком хорош в том, чтобы их хранить, – такова уж моя природа. Для начала оглядитесь вокруг. Может быть, вы в лесу, где поют птицы и весело плещет ручей, или в пустыне, где горячий ветер касается лица, или в скучном бревенчатом доме (хотя домовые, конечно, сказали бы, что человеческие жилища скучными не бывают). Найдите рядом три вещи, которые кажутся вам прекрасными. Поверьте, даже в темнице они отыщутся: полоса света, пробивающаяся из-под двери, матрас, на котором приятно отдохнуть, собственные ноги, которые так волшебным и загадочным образом работают и отведут вас куда угодно, стоит только отсюда вырваться.

Мы с ребятами, к счастью, не в темнице. Сидим на лесной поляне, и костер выхватывает из тьмы очертания деревьев. Мне немного страшно, но я страху не поддаюсь, и вот три моих счастливых вещи: тепло костра, окутывающее руки, вдохновенное лицо водной девы, которая в данный момент держит речь и искренне верит в каждое свое слово, и волшебный шар в руках лесовика. Тот подбрасывает его просто так, ради удовольствия видеть, как сменяются цвета: от резкого вращения шар отражает то лето, то зиму.

Создания дня и ночи, покровители стихий и волшебные твари всех мастей – мы собрались, чтобы отпраздновать возвращение в наш край золотой магии. Но праздник не особо удался: все равно что крестины ребенка с десятком кандидатов на роль крестной феи.

– Все начинается заново, и неважно, что было раньше! Стихией новой земли должна быть вода, – говорила дева. – Народы, которым покровительствует вода, жизнерадостные, с легким характером. Разве не чудесно, если люди в этом краю будут такими?

Ее сестры сидели подальше от костра, окруженные мелкой водной взвесью, и пытались схватить храбрую красавицу за платье, а она отходила все дальше. На ее полупрозрачном лице было написано, что даже огонь не помешает ей высказаться.

– Глупости, милочка, – проворчал Турмалин. – Посмотри на меня! Судя по моему новому телу, у нас теперь полно камня. Народы-каменщики никогда не голодают и не мерзнут: могут строить себе дома из камня, другим его продавать. Нет, ну вы посмотрите!

Он вскинул свои огромные кулачищи и повертел ими в воздухе, случайно сбив с ветки филина. Филин взвился в воздух и раздраженно заухал.

– Извини, дружище, – виновато сказал Турмалин и кое-как сложил свои исполинские руки на коленях. – Не привык еще к тому, какой я теперь.

Местный покровитель камней и правда занимал теперь куда больше места. Он и его родичи состоят из всех пород камня, что встречаются в их владениях – а наши владения вчера резко выросли, – и теперь его гигантское неповоротливое тело блестело всеми оттенками черного и серого с цветными вкраплениями драгоценных камней.

– Да разве это тело для покровителя камней! – фыркнул Почвенник. – Я бывал в гостях у своих бедных братьев с востока, из скалистых предгорий, и в тех краях твои родичи просто огромны – выше, чем сосны, под их поступью земля трясется!

Турмалин насупился, и филин, бывший крыльями в воздухе, сел ему на плечо и утешительно похлопал по голове.

– Зачем нам камни, когда есть пашни? – предсказуемо договорил Почвенник. – Вот он, залог процветания! Станем землей сельского хозяйства, и пусть все завидуют!

– Я даже не собираюсь участвовать в глупом споре. Посмотрев на эти земли с высоты птичьего полета, вы бы сразу поняли, чего тут больше всего, – проворчал лесовик. – Сплошная непроходимая чаща. Эй, милочка, отойди от огня, пока не испарилась!

От водной девы и правда уже шел пар, и она перетекла ближе к сестрам, которые тут же начали поливать ее, зачерпывая воду с краев своих рядов.

– Но кстати о птичьем полете: если символ нашей земли – стриж, то стихией просто необходимо выбрать... – начала Ветреница в пышном платье, но ее тут же перебил кто-то еще:

– Еще чего! Лучше уж...

Гомон усилился, и я закрыл глаза. Нужно набраться смелости и высказать свое мнение, которого никто не спрашивает. Я покровитель того, что нечасто оказывалось нужным в мире счастливых золотых магов, а в мире без магии и вообще ни к чему. Но сейчас оно пригодится, я уверен, что пригодится!

Так что давайте-ка продолжим. Вы нашли вокруг три прекрасных вещи, а теперь прислушайтесь. Может, вы в таверне, где играет веселая музыка, или в деревне, и соседи говорят со своим псом. У нас вот потрескивает костер, ветер лениво шевелит верхушки деревьев, перебирает ветки. Надо сосредоточиться на звуке. Вы именно там, где есть, и нигде больше. Перейдем к третьей части: запахи. У нас костер и летняя ночь, нотка первой осенней гнили в воздухе, у вас, возможно, запах мыла от чистого постельного белья или аромат соломы, или пыли, или снега. Если вам кажется, что запахов нет, не обманывайтесь: мир всегда чем-то да пахнет, обязательно найдется хоть одна маленькая нота. Нашли? Отлично!

Ну и два последних шага. Четвертый: прикоснитесь к чему-то, что близко от вас. Я вот сейчас коснулся земли, укрытой желтыми листьями, чуть нагретымися от близости костра. Шаг пятый: вкус. Если вы ничего в данный момент не едите, – да и кто же думает о магии, когда занят таким чудесным делом, как еда! – то представьте у себя во рту вкус чего-то, что вам нравится. Для меня это корочка черного хлеба. Мы вообще-то не нуждаемся в пище, едим ради чистого удовольствия. Много не нужно: достаем где-нибудь самую малость, смакуем и потом долго вспоминаем, как же это было прекрасно. Это помогает создавать магию.

Спор все продолжается – и никто не выигрывает, потому что каждый голосует за себя. А я смотрю на волшебный шар, который лесовик бросил в траву, касаюсь земли, прислушиваюсь и принимаюсь к костру, представляю вкус черного хлеба на языке. И когда на секунду мне удастся ощутить все пять вещей разом, по-настоящему их почувствовать, тело прошивает

легкая дрожь. Хочется вдохнуть глубже, пальцы покалывает. Вот она, золотая магия. И пока прилив не иссяк, срочно потрачу ее на то, что мне сейчас нужно.

Я решительно вышел на середину круга, прямо к костру, и все замолчали.

– А это что за хмырь? – спросил кто-то.

– Вот так меня обычно тут и называют, – с виноватой улыбкой начал я. – А вообще-то меня зовут...

– Ты какой-то страшноватый, – перебила водная дева, та самая, храбрая.

Я развел своими хилыми ручками. Даже в компании, состоящей из таких причудливых созданий, я выгляжу самым странным. От этой мысли мне стало грустно, и я изо всех сил уставился на прекрасную водную деву, чтобы удержать в себе огонек золотой магии. Она взгляда не отвела – и правда храбрая.

– А, я вспомнил! – воскликнул Турмалин с такой радостью, будто сам факт того, что он отыскал нужные сведения в своей каменной голове, достоин аплодисментов. – Ты этот. Не местный.

Я вообще-то жил тут уже несколько сотен лет, но кивнул: друзей у меня не было. Ни тут, ни где-то еще.

– Хотел кое-что сказать, – проблеял я.

Мне было неловко в свете костра, хотелось спрятаться, но я стоял. Крупинки золотой магии еще теплились во мне, и, чтобы они не погасли, я коснулся древесной коры: гладкая, березовая.

– Ястребы вернутся, – твердо сказал я. – Они этого так не оставят. Сейчас надо не стихию нашей новой земле выбирать, а думать, как ее защитить.

– Они не вернутся! – пропищал луговой дух. Он сидел верхом на мышке, лихорадочно жевавшей травяной стебель. – У нас теперь слишком большая земля, чтобы они ее захватили!

– В вопросах масштабов я бы тебе не доверял, – проворчал Турмалин.

– Те, кто изгнал из своих сердец золотую магию и отнял ее у других, захотят сделать это снова. – Голос опять сел. Как же мне хотелось, чтобы кто-нибудь меня поддержал! – Мы должны придумать, как этого не допустить. И у меня есть идея.

Все посмотрели на меня с возмущением, которое лучше всяких слов говорило, что в глубине души каждый знал: я прав.

– Давайте объединимся с людьми, – выпалил я, и по рядам прокатился ропот.

Мы с людьми пересекаемся не так уж часто, но сейчас я решил, что повод – лучше некуда. Но, кажется, мнения моего никто не разделял.

– Они придумают, как прогнать Ястребов насовсем! – взмолился я. – А мы им поможем. У нас есть магия, а у них – мозги!

– Возмутительно, – прочавкал Почвенник, который от беспокойства начал точить зубы о какой-то корень. – Мы и сами справимся.

– И чем мы будем сражаться, если Ястребы придут прямо сейчас? – не выдержал я. – Ветками? Травой? – Я умоляюще посмотрел на лесовика: он обычно был самым здоровым из всех. – Люди справятся, прошу вас! Мы же все – дети одной Матери-земли, мы должны действовать вместе! Позовем в гости золотого стрижа, он-то знает, что делать!

Повсюду зашумели, и я сник – глупо было думать, что меня послушают. Лесовик задумчиво подбросил волшебный шар, и в нем отразилось голубое дневное небо.

– А ты в чем-то прав, – задумчиво протянул лесовик, поймав мой взгляд. – Я видел его. Золотого стрижа. И того юношу, который помог ему. Они были у меня в гостях.

– И ты молчал? – возмутилась Ветреница и нетерпеливо захлопала себя по коленкам. – Какой он? Полон магии, да? Могучий? Сияет?

– На мой взгляд – да, но тут уж как посмотреть. Ну, сами увидите. – Лесовик встал и гордо расправил плечи. То, что ростом он был бы человеку до колена, его величия не умаляло. –

Странное создание дело говорит. Позовем их, и пусть скажут, как нам быть. Зато самим ничего решать не придется!

Довод действовал: выбор стихии грозил растянуться на целую вечность, а рассвет был уже совсем близко.

– Не хочу тут никаких людей, это же наше тайное место! – неуверенно проворчал Турмалин. – Вечно они все портят. Откалывают мои камни.

– А по-моему, с ними будет ужасно весело! – звонко возразила Ветреница. – Да, много портят, но зато придумали дудочки, и воздушных змеев, и стихи об ураганах, и флюгеры, и... О! А можно, я их принесу? Мне всегда хотелось подхватить кого-нибудь и просто унести! Можно? Ну пожалуйста!

– Давай, – решительно кивнул лесовик, взяв на себя роль распорядителя вечера. Про меня уже забыли, и я с облегчением скользнул глубже в тень. – Только осторожно, ничего им не сломай. Люди очень хрупкие.

– Само собой, – обиделась Ветреница. – Я умнее, чем выгляжу.

– Да-да. В одно ухо влетит, в другое вылетит. Ветер в голове, – проворчал Турмалин, и она дунула так, что у него чуть голова с плеч не скатилась.

– Зато у тебя она из чистого бульжника, – огрызнулась Ветреница. Костер потух, золу разбросало по поляне. – Ладно, пошла. Извините за костер, раздуйте снова, а?

Она легко упала в воздух и скрылась, а молчаливый огненный дух скользнул на ее место. Его все побаивались: опасный он парень, но сейчас он просто тронул пепелище, и костер вспыхнул снова.

На поляне воцарилась напряженная, дрожащая тишина. Все волновались, запоздало осознав, что прямо сейчас явятся люди. К людям у нас относятся сложно: любовь, страх, умиление, болезненное любопытство и вместе с этим всем – жажда их восхищения, уважения и песен.

Вчера люди преподнесли нам потрясающий, великолепный сюрприз, так что сегодня их скорее любили, поэтому так легко и согласились принять гостей. И пока мы ждем, что будет дальше, позвольте я расскажу вам, что было вчера, – вдруг вы все пропустили?

Золотая магия работает очень просто: когда мир еще был юн, кто-то из людей понял, что от хороших чувств любое дело спорится, и постарался испытывать их чаще. Земля тоже была юна, и в ответ на людскую доброту и радость породила магию, которая усиливается от светлых чувств и поступков, но тает от плохих. Постепенно люди приручили эту силу, научились использовать ее, и это был счастливый мир. Но счастье всегда рано или поздно заканчивается.

Пока другие народы возвращали в себе аниму – силу самой жизни, любовь и радость, материал для золотой магии, – один народ, который прозвали Ястребами, променял аниму на власть Тени, ее обратной стороны. Тень тоже дает мощную магию, но холодную и темную, ту, что питается злостью и равнодушием. Наверное. Я, если честно, очень мало знаю о том, как работает тeneвая магия: несмотря на то, кем я являюсь, я никогда не видел Ястребов близко и боюсь их не меньше, чем обычные люди и существа. Мои братья в других, процветающих и далеких империях, посмеялись бы надо мной, – вот только империи уже давно пали под властью Ястребов, и я не знаю, пригодились ли такие, как я. Одно несомненно: ничего веселого в мире Тени нет, радость и любовь они не одобряют, и золотая магия в разоренных ими землях иссякла.

Но пришел тот, кто должен был рано или поздно явиться и всех спасти, – тот, кто в самые темные времена вырастил в себе золотую магию, как цветок. Ястребы прозвали его золотым стрижем, и вот вчера, на закате, он вернул аниму огромной, бескрайней земле вокруг великого озера и к северу от него. Подавленные грустные люди ощутили в своих сердцах радость и надежду, полумертвые существа ободрились, иссохшая почва наполнилась жизнью.

Но радоваться рано. Готов поспорить на свое единственное имущество, волшебное зеркальце: Ястребы так просто не отстанут от тех, кого по неосторожности выпустили из когтей. Оттого нам и нужен тот, кто сможет всех нас спасти и точно знает, что делать. Золотой стриж.

– Не верю, что мы позвали людей, – прошептала самая прозрачная из водных дев, судорожно расчесывая волосы. – Как это вообще произошло?

Я благоразумно скользнул за дерево – и охнул: чуть не наступил на волшебный шар, который лесовик уложил среди корней. В шаре отражалась сейчас огромная вода. Не наше озеро, какая-то другая, тревожная и серая, она словно плескалась внутри шара, от него даже пахло влажным холодом и почему-то солью. Я уже протянул руку, чтобы тронуть его, проверить, твердый он или палец провалится в эту воду, но тут лесовик сердито подкатил шар к себе.

– Не трогай, – буркнул он, обнимая шар. – Рожа мне твоя не нравится, так и жди беды.

Я вскинул руки, показывая, что не угрожаю, а потом сверху раздался пронзительный вскрик, и все подняли головы. Сильный, устойчивый поток ветра тащил к нам двоих, и даже издали было видно, какие они разные. Один спокойно лежал на воздушной подушке, будто дремал, второй барахтался и голосил.

Ветер осторожно опустил их на поляну, будто с горки скатил, и спокойный кареглазый парень тут же поднялся. У него были примечательные уши – торчали ровно в стороны, так что я невольно проникся уважением к тому, кто ухитрился вырасти таким невозмутимым, являясь обладателем подобных лопухов. Он скользнул спиной к ближайшему дереву и обвел всех взглядом – так, будто просчитывал, на кого напасть первым.

Второй парень, младше и тоньше, стоял на коленях и нелепо тарачился на всех, открыв рот. Ему было лет пятнадцать: бледный, очень коротко стриженный, конечности длинные и нескладные, словно он рос частями, то тут, то там, и эти части еще не выровнялись в одно взрослое тело. Попыток встать на ноги он не предпринял, и, если бы кто-то хотел причинить ему вред, это было бы проще простого.

А потом я понял еще кое-что: нет, не было бы. Кареглазый держал одну руку чуть вытянутой в сторону второго, будто готовился, если потребуется, дать отпор не только своим, но и его обидчикам. Меня пронзило острое восхищение странной, невиданной предусмотрительностью кареглазого – четкие, скупые движения, ничего лишнего, ни секунды на панику. Все замерли, разглядывая друг друга, а потом бледный парнишка выпрямился и сказал:

– Ух ты! – Он огляделся, приоткрыв рот. – Вы... Вы все... Всякие создания!

Он восхищенно шатнулся к нам, но кареглазый поднял его на ноги и убрал себе за спину. Одежда на обоих сидела совершенно нелепо, будто с чужого плеча.

– Я Нил, – бодро продолжил парнишка. – И я, ну... Золотой стриж. – Он вдруг смутился. – Точнее, уже нет. Магия закончилась. Всю отдал.

Ветреница гордо стояла рядом с ними; ее глаза, едва различимые на полупрозрачном лице, сияли.

– Ничего не сломала, – торжественно заявила она, глядя на лесовика. – Аккуратно несл.

– Благодарю, – кивнул Нил и тоже заметил лесовика. – Это же он! Из Зимнего приюта! – умоляюще прошептал он, пытаясь выдернуть свою рубашку из железной хватки кареглазого. – Ну же, выпускай!

Тот нехотя послушался. Нил подошел к лесовику, опустился на колени, чтобы их глаза были на одном уровне, и улыбнулся. Улыбка у него была поразительная – она сразу сделала его из хилого заморыша удивительно красивым. Ласковая и теплая, она сияла в глазах, и сразу хотелось быть другом человека, который умеет так улыбаться.

– Спасибо за помощь, – тихо сказал он лесовику. – И спасибо, что позвали. Я... Ну... Ужасно рад. Это честь для нас.

Растаяли даже те, кто людей звать не хотел. Я тоже это почувствовал – сразу и радость, и огромное облегчение, и уверенность, что такому можно доверить что угодно. Второй просто

маячил у него за плечом, как мрачная тень. Что-то в этом было непонятное, не должен так выглядеть человек, попавший на вечеринку волшебных существ.

Кажется, эта мысль пришла в голову не мне одному – Почвенник наклонился к компании домовых, копошившихся у его ног, и тихо спросил:

– А это кто? Второй?

Домовые про людей знают больше всех, но сейчас просто вразнобой пожали плечами.

– Я не хотела его брать с собой, только стрижа, но этот не отцепился, – шепотом пояснила Ветреница, скользнув к ним. – И очень страшно на меня посмотрел.

– Потому что я его телохранитель, – сухо произнес кареглазый. Ветреница говорила очень тихо, как вообще он это услышал? – А прозрачная женщина не смогла пояснить мне, с какой целью хочет забрать моего начальника и по чьему приказу.

– Я не его начальник! – простонал Нил, отчаянно пытаясь улыбкой стереть подозрение с лиц всех вокруг. – Он мой друг и соратник. И, как видите, очень веселый парень, душа компании. – Нил фыркнул. – Он помог мне вернуть магию. Его зовут Райлан. Ударение на первый слог.

Он весело глянул на лопухого, будто фраза про слоги – это какая-то только им понятная шутка, но тот даже не улыбнулся.

– Какова цель данного вызова? – спросил кареглазый, обводя нас всех холодным взглядом.

Он шагнул к костру, и я наконец понял, что с ним не так.

Кажется, одновременно это заметили и другие – и с криками сбились вместе. При свете костра стало видно, что загар у парня только на лбу и вокруг глаз, а нижняя половина лица очень бледная, будто никогда не была открыта солнцу. Такое могло произойти только в одном случае: если он носил маску.

Маску Ястреба.

– Ты... – прохрипел Почвенник.

Домовые неразборчиво голосили. Турмалин счел за лучшее снять с плеч валун, служивший ему головой, и прижать его к груди, как делал в минуты крайнего ужаса.

– Ну да, он всю жизнь провел у Ястребов, но он не такой, как они! – крикнул Нил, пытаясь перекричать всех. – Он местный, его просто украли! Перестаньте волноваться!

Но никто не перестал – и тогда заговорил Райлан. Голос у него был холодный как лед, но говорил он вполне здраво, я поверить не мог, что Ястреб на такое способен, – думал, они только рычат.

– Послушайте, твари всех мастей. Бояться меня бессмысленно – если бы я хотел вам навредить, вы бы заметили. Гарантирую: когда появятся Ястребы, я буду наименьшей из ваших проблем.

Все удивленно замерли – тоже не ожидали, что он способен на такую внятную речь.

А вот Нил слушал плохо, в основном разглядывал нас, и у меня заколотилось сердце: я представил, как этот добрый взгляд остановится на мне и я почувствую себя лучше, понравлюсь сам себе больше. Только улыбнись мне, заметь меня, ну же, пожалуйста! Я даже сделал крохотный шагок вперед, но Нил меня не заметил. Вокруг была полутьма, а я не так уж велик ростом, да и вообще, наверное, он принял меня за что-то вроде коряги, и я его даже понимаю, но грусть все равно ударила меня, как спелая груша, падающая с дерева: внезапно и сильно. Я свернулся в корнях дерева и обхватил свои колени. Бедный, никому не нужный болван.

– Нужно придумать, как дать отпор Ястребам. Если у вас есть идеи, выкладывайте, – невозмутимо продолжил Райлан и посмотрел на нас так, будто сильно сомневался, что в наших головах может родиться хотя бы одна идея на всех.

– Может, Ястребы про нас забудут? – пробормотал Нил, не отрывая взгляда от полупрозрачной водной девы. Ее сестры попрятались за деревья, а эта, храбрая, так и сидела, блестя на него зелеными глазами. – Простите, госпожа, это не вы смотрели на меня из озера?

– Мы все, – прошептала она и, кажется, покраснела бы, будь у нее кровь вместо воды. – Ты ведь золотой стриж, нам было любопытно. А... А... А можно, вода будет стихией нашей новой земли?

Нил открыл рот и, судя по его потрясенным глазам, собирался сказать громкое и ясное «Да», но рот ему молниеносно захлопнула бледная ладонь.

– Не раздавай необдуманных обещаний, – отрезал Райлан и убрал руку. – И нет, Ястребы не забудут. Недооценивать мощь Тени – худшая ошибка золотых магов. Ты бросил вызов величайшей империи на земле и примешь последствия.

– Если ты хотел поднять мне настроение, у тебя не получилось.

– Твое настроение – не моя забота. Полагаю, тебя позвали, чтобы спросить, как быть дальше. И что ты им скажешь?

– У меня в голове пусто, как в котле, – прошелестел Нил. – По-моему, я даже эхо слышу.

– Это из-за танцев, – сухо ответил Райлан. – Я же еще вечером говорил, что надо сесть и составить план действий. Ты сказал, цитирую: «Да ладно, это не срочно».

Нил открыл рот. Закрыл. Стремительно покраснел. Побледнел.

– Все довольно безнадежно, – зловеще прибавил Райлан, как будто все были на его вкус еще недостаточно подавлены. – Пожалуй, нам всем конец.

Эффекта он добился. Турмалин с грохотом развалился на груди камней – я никогда еще не видел этого здоровяка таким разбитым. Водные девы прижались друг к другу и начали издавать печальные звуки – очевидно, заплакали, но точно сказать было невозможно: они ведь и так состоят из воды. Нил ковырял ногой землю и, судя по всему, из кожи вон лез, чтобы выдумать какой-нибудь дельный план: губы у него беззвучно шевелились, на виске билась жилка. Райлан огляделся, наслаждаясь произведенным впечатлением, и в глазах у него проступило что-то, отдаленно похожее на мрачную улыбку.

– К счастью, идея есть у меня. Я размышлял о нашем спасении, пока другие плясали и оралли песни, – сказал он.

И – о чудо – действительно улыбнулся. Губы растянулись с трудом, будто он никогда раньше не складывал их таким образом. По рядам пронесся вздох облегчения, Турмалин тихонько собрался обратно – тоже хотел послушать, о чем речь.

– У каждого края есть волшебный защитник, так называемый дух земли, – продолжил Райлан, внимательно оглядывая толпу. – При захвате территории никто не доставляет больше неприятностей, чем он: золотые маги не умеют сражаться, потому что для этого надо разозлиться, и дух защищает их, как детей. Завоевание нескольких свободных земель едва не провалилось благодаря их волшебным покровителям – у них магия огромной силы.

– «Едва не провалилось»? – простонал Нил. – То есть не провалилось?

– Конечно нет. Ястребы их завоевали, но не сразу, – утешил Райлан. – Они никогда не проигрывают, но небольшой шанс на победу лучше, чем никакого.

– Но у нас ведь нет своего духа! – перебил Нил. – Это новая земля, она только вчера создана. Или он появляется сам собой?

– Если бы появился, думаешь, он пропустил бы вечеринку? – невозмутимо спросил Райлан. – Ястребы изучали этот вопрос в рамках прогнозирования, что будет, если какой-то народ попытается от них освободиться. И пришли к выводу, что духа можно создать, но способ им выяснить не удалось.

– И как же это сделать? – жадно спросила водная дева.

– Вы мне скажите, – пожал плечами Райлан, – не я тут волшебное создание из природных материалов?

– И как я сам не подумал про духа-защитника? – пробормотал лесовик, смущенно поглядывая на остальных: ему было неловко, что такую славную мысль предложил не он. – Они обладают могущественной, не понятной никому из нас магией. Но как... Слушайте, а было же что-то! Какой-то набор правил на случай, если дух земли исчезнет и понадобится новый. Это было ужасно давно, на заре времен. Не помните?

Остальные вразной степени замотали головами. Вечная магическая проблема: сначала из всех сил что-то скрываешь, чтобы никто лишнего не узнал секрет, а пару сотен лет спустя и сам не можешь вспомнить, в чем там дело. Лесовик задумчиво перебрал пряди в бороде, и его хмурые брови вдруг расправились:

– Но мы на такие случаи создавали подсказки. Казначей!

Все головы повернулись в одну сторону. Казначей удобно лежал на пенке – похожий на ленивого длиннорукого зверька с проникновенными большими глазами и двумя карманами на боках. Карманы снаружи выглядели неприметно, но потому его Казначеем и прозвали. Была у него волшебная особенность: карманы были бездонные. Никто не смог бы перечислить всего, что там хранится, и уж точно этого не знал сам Казначей. Ему передавали на хранение все предметы, которые нужно было спрятать и которые могли однажды понадобиться, но, поскольку для волшебных существ «однажды» могло значить «вечность спустя», я не представлял, как бедняга передвигался под тяжестью всего, что ему доверили. Он, впрочем, страдающим не выглядел, благодушная лень и медлительность были его природным свойством. Обычно он висел на ветках или дремал под деревом, нежно обнимая ствол всеми четырьмя конечностями, либо – и это чаще всего – крепко спал, свернувшись пышным меховым комом. Вот и сейчас он откликнулся на призыв с третьего раза, благополучно проспав весь скандал.

– Ищи! – воскликнул лесовик. – Ищи подсказку, как создать нового духа земли, если потеряли старого. Мы должны были что-то оставить!

– Сейчас, – мягко сказал Казначей. – Поищу. Не торопите меня.

Еще добрую минуту он сонно моргал, потом запустил когтистые лапы глубоко в карманы. Еще какое-то время там что-то громыхало, шуршало, брякало, – масштаб звука совершенно не совпадал с размерами самого Казначая.

– Ты когда-нибудь делаешь там уборку? – не выдержал лесовик.

– Это творческий беспорядок, – неспешно проворчал казначей, с кряхтением шаря в обоих карманах разом. – Я найду. Есть система, ее просто не видно.

– И как же она называется? «Сотни лет валяю все в одну кучу, а потом никак не могу найти»?

– Она называется: «Моя собственная, личная система, в которую бородатым коротышкам нечего совать нос».

Лесовик беззлобно фыркнул. Казначей был едва ли на ладонь выше и жил в домике на вершине дерева, который редкие путники в его лесу принимали за ветхий, неизвестно кем и зачем привешенный скворечник. Для существа с его карманами он умел занимать исключительно мало места.

– У тебя пять минут, мохнатое создание, – холодно проговорил Райлан, незаметно сдвинувшись ближе к Казначею. – Ястребы ждать не будут. Когда они придут, ты и охнуть не успеешь.

Казначей посмотрел на него снизу вверх и начал копать в карманах со скоростью, какой я от него в жизни не ожидал. Еще минут десять он пытался, а Райлан стоял неподвижно, следя за ним взглядом, как пес-охранник. Дух огня сидел у костра и рассеянно перебирал языки пламени. Костер радостно, жарко горел. Все тихо теряли надежду, что хоть что-то будет найдено, – по крайней мере, в ближайшем тысячелетии.

– Нашел! – вдруг воскликнул Казначей и неторопливо вытащил три предмета, которые друг за другом разложил на земле.

Воцарилось молчание.

– Это что? – наконец спросил Почвенник.

– Бусина, кувшинчик и лапоть, – гордо ответил Казначей.

– Звучит как название музыкального ансамбля, – сдавленно пробормотал лесовик, не сводя взгляда со скромных предметов, лежащих на земле.

– А... Ну... – пролепетал Нил. – Что из этого подсказка, как пробудить духа земли?

– Все, – торжественно заявил Казначей. – Это точно оно. Я сделал себе пометку: «Если нужен новый дух земли».

Как именно Казначей делает пометки, никто понятия не имел, но он все же ухитрился по ним что-то находить, – и обычно оказывался прав. В данный момент перед ним лежала пестрая бусина из стекла, глиняный кувшин с полустертой росписью и старый лапоть.

– М-да, – пробормотал лесовик. – Как ни странно, я и правда когда-то их видел, добрую тысячу лет назад. Вот только не припомню, что с ними делать. Друзья?

Все помотали головами, даже филин. Все, кроме Казначей, – тот, переутомившись, уже спал, положив голову на лапы.

– Давайте позовем Мать-землю? – шепотом предложил Нил.

Лесовик хмыкнул.

– Под ее опекой – весь мир. Она уделила тебе время, ты счастливчик, но теперь золотая магия сюда вернулась, и я не думаю, что Мать-земля покажется снова. Не будем наглеть. – Он душераздирающе зевнул, и я впервые заметил, как посветлело над нами небо. Приблизился рассвет. – Ох, как же спать уже хочется. Если никто не знает, что делать, давайте поступим по старинному обычаю. На волю судьбы?

Все нестройно закивали. Где-то нежно запела первая дневная птица – верный знак, что пора на боковую. Некоторые из нас уже после полудня просыпаются и приступают к делам, но утро – это время людей, оно принадлежит только им.

Лесовик поднял три предмета и одновременно подбросил их в воздух.

– На волю судьбы, – торжественно объявил он, и предметы, ярко мигнув, исчезли. – Уф. Сработало!

– А где они? – не понял Нил.

– Не знаю. В этом вся суть! Судьба назначила им достойное место, и теперь они там, где должны оказаться, чтобы исполнить свое предназначение.

– О, – оторопел Нил. Он явно не был знаком с этим способом решения волшебных проблем. – Но как же...

– Вы их найдете, – жизнерадостно сказала Ветреница. – Отправитесь в путь, отыщете и создадите духа земли. И спасете нас.

– Но вещи же только что были у нас! – простонал Рай-лан. – В чем смысл? Это совершенно, абсолютно нелогично!

– Холодная логика никогда не была для золотых народов добродетелью.

– А вот это очень жаль.

Лесовик пожал плечами:

– Страшно отпускать вещи на волю судьбы, но она всегда оказывается права, – вплетает вещи в естественную ткань жизни. Там и тогда, где вы их найдете, что-то подскажет вам, как использовать их, чтобы добиться цели.

Райлан вцепился себе в волосы.

– А если они попадут не в те руки?

– Не бывает не тех рук, судьба свое дело знает. Но вообще-то вы – единственные, кто знает, на что способны эти вещи. Найдите их, и поймете, как с ними быть. Они где-то в наших краях – мы отвечаем за судьбу только на своей земле.

– Ваша земля теперь огромная! – отчаянно выдохнул Райлан. – Нам что, идти неизвестно куда, чтобы сделать там неизвестно что неизвестно как?

– В точку!

– Магия создается желаниями, – утешил лесовик. Остальные начали жмуриться и заваливаться на бок: близость рассвета действовала на всех неумолимо. – Кто захочет, тот их и найдет, а кто еще этого захочет, кроме вас? Так все и работает: ты просто делаешь что-то и надеешься на лучшее, одно ведет к другому. Ну, мы сделали, что могли, славно потрудились, а теперь нам пора спать. А вы отправляйтесь в путь, удачи и все такое. Люди по утрам бодрые.

Райлан смотрел на нас так, будто жалел, что не отнял предметы сразу. Но они ничем ему не помогли бы, это даже я понимал, – а вот теперь они введены в игру, мы заявили о том, что они нужны, и судьба сама все устроит.

– И куда идти? – тихо спросил Нил.

– О, не знаю. Вам что-то подскажет. А когда дух появится, он стихию и выберет. Очень надеюсь, что мои заслуги не будут забыты, – с облегчением сказал лесовик. – Всем спокойного утра.

Все начали разбредаться, несмотря на протестующий звук, который издал Райлан. Утро было чудесное: подсвеченные золотом облака, редкие птичьи голоса в прозрачно-розовом воздухе, теплый свет на лицах. Мы чуть-чуть не успели – обычно с первым лучом рассвета мы уже лежим в своих мягких постелях, но тут рассвет успел добраться до нас раньше. Ошеломительный и яркий, первый луч ударил по земле, и все замерли, щурясь, удивленные его красотой. И я знал, точно знал, почему все стоят неподвижно – запоминают этот момент, его совершенство, и радость, и надежду, чтобы позже соткать из него золотую магию.

Но момент был недолгим. Небо вдруг расчертила темная тень – одна, другая, третья, – и над лесом пронеслась стая Ястребов. Все настолько этого не ожидали, что глупо замерли, приоткрыв рты. Ястребы летели хищно и организованно, четкими рядами, как никогда не летают обычные птицы, и на секунду мне показалось, что они сейчас заметят нас и камнем упадут вниз, и все закончится. Потом я вспомнил, что это волшебная Поляна Собраний, ее не увидит никто из тех, кто не приглашен, даже если мимо будет проходить, но лучше мне не стало. В полете Ястребов было что-то фатальное, что-то необратимое и четкое, как удар судьбы. И я сразу понял, куда они направляются: именно в той стороне было поселение людей, откуда Ветреница принесла Нила и Райлана. Ястребы летели за золотым стрижем, а его по чистой случайности не было там, где они собирались его схватить. Я покосился на Нила – тот смотрел вверх, застыв, словно каменный. Он тоже понял.

– Они... Они ведь просто так летят? Ну там... разминают крылья? – хрипло спросил Нил, явно сам в это не веря.

– Да, конечно. Утренняя прогулка, – скучным голосом сказал Райлан. – А я предупреждал. Там, кстати, осталась моя форма, с ней я смог бы лететь, но теперь придется...

Нил твердо выпятил челюсть, и отчего-то это произвело впечатление – когда счастливое безмятежное лицо вдруг сложилось в такую суровую гримасу, невольно прислушаешься.

– Форма?! – процедил он. – Там семья твоя осталась! И Маг! И все остальные! Мы идем их спасать немедленно, и мы...

– Ни в коем случае, – невозмутимо ответил Райлан. – Мы должны приступить к поискам вещей, которые позволят создать духа земли – иначе конец придет вообще всем. Маневр Ястребов купил нам время – пока они выясняют, где мы, успеем начать. – Он глянул на застывшее лицо Нила и внезапно смягчился. – У Мага, как можно догадаться по его прозвищу, есть магия. Заметит Ястребов и скроет ваших людей, он это умеет. Если, конечно, он не тупой и не медлительный. За это не поручусь, но... – Под взглядом Нила он замолчал и усмехнулся. – Не волнуйся. Волноваться бессмысленно. То, что нападут на рассвете, было и так ясно: это классический прием. Все устали праздновать и заснули, лежат, как на блюде, существа тоже

засыпают, да и видно лучше, чем ночью. Я говорил, ты просто не слушал. Все, вперед. Спать некогда.

Он вытащил из-за пазухи какую-то бумагу и подошел к нам. Все так устали, что даже не отшатнулись, просто уставились на него, с трудом открывая слипающиеся глаза. Многие под шумок скрывались: Ветреницы уже нигде не было видно, вязаные шапочки гномов мелькали в траве, удаляясь все дальше, водные девы тщетно пытались увести свою храбрую сестру, которая вытягивала шею, чтобы заглянуть в бумагу.

Я проскользнул ближе и тоже заглянул. Это была карта – люди рисуют такие схемы, на которых разные земли видны, будто с высоты.

– Ничего в этой штуке не понимаю, – проворчал лесовик. – Вы как-то странно видите местность.

– Где мы? Куда нам пойти, чтобы выйти к озеру? Оно волшебное, оттуда и начнем – просто не в том месте, где сейчас Ястребы. Перемещать нас не надо – золотую магию можно отследить, а сейчас на это, думаю, брошены все силы.

Все беспомощно посмотрели на него, и Райлан выдохнул сквозь сжатые зубы. Покрутился вокруг своей оси. Зачем-то осмотрел стволы деревьев.

– Так. Вот север, значит, озеро – там. Все реки и ручьи в этих местах впадают в него, любой сойдет. – Райлан просветлел лицом. – Где вот в ту сторону, к югу, ближайшая вода?

– Блиско! – тут же выпалила водная дева. – Широкий ручей. Хотите лодочку?

– Да, – с облегчением кивнул Райлан. – А у вас есть?

– Нету. Но я найду! В заводях попадаются заброшенные, они, правда, слегка дырявые, но это же ничего, да? Главное – лодка!

– Спасибо, – наконец подал голос Нил, который до этого подавленно молчал. – Мы очень вам... очень благодарны.

Щеки девы налились синеватым цветом – очевидно, водным румянцем. Сестры посмотрели на нее возмущенно, но она хрипло сказала, не отрывая взгляда от Нила:

– Идите вон в ту сторону, не сворачивайте. Когда выйдете к ручью, лодка будет там.

И с этими словами она стекла вниз, превратившись в воду, и впиталась в землю. Сестры осуждающе посмотрели на нас, тоже обтекли водой и исчезли – осталось только мокрое пятно на земле. Нил заморгал.

Райлан без лишних слов развернулся и зашагал туда, куда указала дева, не потрудившись даже попрощаться.

– Не бойтесь, все будет хорошо, – торопливо сказал Нил. – Спасибо. И до встречи!

Прежде чем поспешить вслед за Райланом, он улыбнулся нам, и от этой улыбки мне снова захотелось улыбаться. Лесовик глядел им вслед, задумчиво подбрасывая на ладони волшебный шар. На этот раз в нем отражалось звездное небо и какие-то камыши.

Дух огня провел ладонью над огнем, и костер погас. В освещении ничего не изменилось – солнце светило так ярко, что пламя давно уже было незаметным.

– Похоже, начинаются интересные времена, – пробормотал лесовик. Я не использовал бы тут слово «интересные», но лесовик выглядел прямо-таки воодушевленным. – Давайте спать, друзья. Все будет хорошо: чем глубже тень, тем ярче светит золото. Конечно, мы победим Ястребов – им тут не место.

Но он ошибся. Эта история пошла самым удивительным путем, какой только могла выбрать, и совершенно не туда, куда мы планировали ее направить. А я сыграл в ней свою роль, поэтому сделаю себе подарок: представлю, что мне есть кому об этом рассказать.

И если вы действительно здесь, если кто-то меня слышит, то помните главное: немного доброго волшебства найдется даже в самые темные времена. Уж я-то теперь знаю об этом все!

Золотая магия – повсюду.

Глава 1

Имперская гарда

Каменное чудовище было таким жутким, что Ларри содрогнулся, – а он на своей работе видал и мертвецов, и сумасшедших, и вырвавшихся из-под контроля теневых созданий. Если уж его пот прошиб, удивительно, как бедные грабители довели дело до конца и не свалились с сердечным приступом. Ларри не сомневался, что в темноте это припавшее к земле клыкастое нечто еще и оживет: теневая магия любит ночь, это ее время.

– Ну что, симпатяга, видел что-нибудь подозрительное? – спросил он. Глаза на каменной морде чуть сузились в ответ, но ответа, ясное дело, не последовало, и Ларри обернулся к бледному долговязому сторожу. – А вы? Признавайтесь, спали на посту?

Сторож окинул Ларри задумчивым взглядом и вежливо спросил:

– Вы из Гарды?

Ларри оскорбленно хлопнул себя по нашивке на рукаве: дракон, обвившийся вокруг буквы «Г».

– Нет, знаете, из цирка. Сержант-маг Ноль Ноль Один, Имперская Гарда. Вы же нас вызывали? – Он вытащил из кармана сгусток Тени в форме лягушки и подбросил на ладони. Лягушка протестующе замолотила по воздуху лапками. – Вот я и прибыл. Чего удивляетесь?

– Я не удивляюсь, – прошелестел сторож. Маска, закрывавшая его лицо от глаз до подбородка, глушила слова окончательно, так что Ларри едва их разбирал. – Просто вы... мм... так молоды.

Ларри закатил глаза, убирая беспокойную лягушку обратно в карман. Волшебные письма обычно лежали довольно смирно, на их оживление лишней Тени не тратили, но это было настолько живым, что Ларри почувствовал смутную тревогу. Зачем транжирить столько Тени на письмо в Гарду, суть которого всегда проста и одинакова: «Произошло такое-то преступление, явитесь?» А сторож между тем предсказуемо уставился на монструма, сидевшего у Ларри на плече.

– Да, это попугай, – кивнул Ларри, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул. Достаются же кому-то шикарные монструмы в виде медведей и орлов! – И в нем столько Тени, что

лучше не связываться. Еще он говорит. Ругается в основном. Знакомство окончено, можно мне изучить место преступления?

Что-то в его взгляде наконец заставило сторожа посторониться, и Ларри торжествующе огляделся. Хранилища теневых предметов строят подальше от домов – слишком уж сильно от них веет холодом, для здоровья вредно, – вот и тут, насколько хватало глаз, были только скалы да приземистые шуршащие кусты. Море билось о камни далеко внизу – тревожный, рокочущий шум.

Ларри прогулялся вдоль фасада, стараясь не таращиться на статую чудовища, охранявшую дверь. Следов, хоть и едва заметных на гальке, было полно, и не только от мягких сапог сторожа – у некоторых пятка была вмята в землю гораздо тяжелее, чем носок.

– Мм... Ламинары, – пробормотал Ларри, всматриваясь в мелкую черную гальку. – Ну, эти, которые водоросли собирают. У них для устойчивости на скользком дне рабочие сапоги со свинцовой пяткой. – Ларри прищурился. – Но зачем ходить вокруг склада, который собираешься обчистить, в рабочей обуви, по которой тебя легко найти? Вдруг кто-то украл сапоги ламинара, чтобы отвлечь внимание? Что-то тут... – Он вскинул взгляд на сторожа. – Вы в сообщении перечислили, что украли, но можно глянуть, где оно лежало?

Сторож еще раз оглядел его с головы до ног, развернулся и пошел внутрь. Ларри бодро зашагал следом. В кои веки интересный вызов – это тебе не штрафы за мелкие нарушения выписывать!

Настроение у него было, как сказали бы в давние времена, отличное. В школе их учили заменять все эти позитивно окрашенные словечки вроде «хороший» и «приятный» на емкое «эффективный», но кто-нибудь то и дело оговаривался: было во всех этих запретных устаревших словах что-то невыносимо привлекательное. Еще в школе учили, что Великий Магус слышит мысли и может наказать за любой проступок, но что-то Ларри ни разу не видел тому доказательств. Магус был где-то далеко, в замке, а они просто жили своей маленькой жизнью, и что с того, если иногда скажешь: «Отличная работа!»

Это, например, был отличный, просто шикарный склад – сюда доставляли трофеи из игровых селений. Счастливчики из освобожденных народов бились с противниками, а ярость бойцов и зрителей наполняла Тенью предметы. Уж кому жилось легко, так это парням в Селениях – знай себе играй, никаких забот, кормят бесплатно, спи почти весь день, а что может быть интереснее, чем бой? Вот бы хоть ненадолго поменяться с кем-нибудь из них местами – никаких подъемов в полчетвертого утра на утреннюю смену, никаких насмешек из-за глупой формы монструма. А еще такая красота получается! Ларри с интересом разглядывал вещи на полках: кубки, украшения, ткани, из которых потом сошьют униформу, позволяющую летать, шкатулки, ложки, камни – и во всем переливались прожилки чистой Тени, растекались черными струйками под поверхностью, чуть заметно просвечивая. Холод тут стоял лютый, но Ларри едва замечал, так поразило его это богатство. Пусть каждая вещь и была на вес золота, такие места грабили редко – теневые чудовища на входе, маги в качестве охранников, а если арестует Гарда, полностью отнимет даже личную Тень, станешь банкротом и изгоем.

Но вот решил же кто-то! Потрясение от местного великолепия немного утихло, и Ларри заметил, что некоторые полки пусты, хотя на поверхности еще остались следы Тени. Он не смог бы объяснить, как именно видит их – не глазами, а словно Тень в нем улавливает невидимые глазу частицы себя самой.

– Я вышел на смену в три утра, а коллега побежал мне навстречу, – еле слышно проговорил сторож. – Кричал, что его ударили заклятием, а когда он пришел в себя, многих вещей уже не было. Сказал, что ему нужно отдохнуть, и ушел. Очень бледный. Я вас вызвал и пошел за ним, чтобы узнать, как он, а его дома нет. Исчез без следа.

Ларри покивал, разглядывая полки.

– Если грабитель работник склада, это объясняет, почему статуя не напала. Думаете, у него были сообщники? – негромко спросил он. – Ламинары?

– Он достойный человек. Не знаю, как он решился, – пробормотал сторож. – Вы найдете его?

– Такое под силу даже сопляку с попугаем, – хмыкнул Ларри. Настроение у него стало еще лучше – он любил, когда работа делалась вот так просто и ясно, как сегодня. – В Гарду просто так не берут.

Он еще побродил внутри и вышел на улицу, под тяжело нависшее серое небо. Прошелся вдоль следов и негромко сказал:

– Зачем дожидаться вашего прихода, чтобы объявить о пропаже? Почему не сбежать в начале своей смены? И еще. Дождь шел уже после трех часов утра. Я знаю – как раз на смену собирался и думал, что хоть сегодня не вымокну, так тут и полило. Если бы следы оставили на сухой гальке, дождь бы их просто смыл. Чтобы отпечатки ног были такие четкие, галька для начала должна набухнуть от дождя. – Ларри с силой втянул воздух. Он задышался от торжества, а это непросто, когда нос и рот закрывает маска из плотной ткани. – Если я выясню у ламинаров, пропадали у них сапоги или нет, как думаете, что узнаю?

Ответа можно было не ждать – потрясенное лицо сторожа выдало его с головой.

– Ну что вы, – продолжил Ларри. – Если уж врете, так держитесь до конца, нечего так бледнеть и тарашиться! Что вы сделали со сменщиком? Он жив? Я бы подумал, что вы в сговоре, но не могут же сразу двое сойти с ума!

Последнее слово он едва успел договорить – сторож, может, магический ранг имел и невысокий, но достаточный, чтобы выполнять свою работу, и сделал единственное, что в данный момент имело смысл. Обратиться в Ястреба он не мог, потому что для этого нужна особая одежда, так что вытащил из Тени шар исчезновения и бросил на землю перед собой.

Ларри сделал пару стремительных шагов, поймал невидимого беглеца в охапку и пропыхтел:

– На слух не жалуюсь.

Воздух в его руках пихался, бил локтями и тяжело дышал, так что держать приходилось крепко. По инструкции монструм должен был когтями стащить с преступника защиту, но от своего Ларри таких свершений не ждал. Поэтому он разжал одну руку, запустил ее в Тень и с размаху шлепнул сторожу на спину черный сгусток, трясущийся, как желе.

А потом сделал шаг назад, глядя, как черная масса разливается по телу сторожа, проявляя его из воздуха.

– Это называется свинцовая тяжесть. Полезная штука, – гордо проговорил Ларри.

Сторож рухнул к его ногам и поднял глаза, не отрывая голову от земли, – он теперь и пальцем пошевелить не мог. Взгляд был сложный: почему-то не испуганный, а будто бы за что-то извиняющийся.

– Сопляк или не сопляк, а я настоящий гардиан, – фыркнул Ларри. – Вы арестованы именем закона. Ну что, куда спрятали ценности?

Он чувствовал головокружительное торжество, и, кажется, это его слегка подвело. Монструм, который вообще-то должен следить, чтобы не напали сзади, даже с плеча не слетел, только издал злорадный, хриплый клекот, а когда Ларри обернулся, было уже поздно. Что-то с размаху ударило его по лицу, и все потемнело.

Первое, что Ларри сообразил, придя в себя, – это что он сидит на стуле, но встать не может, потому что придавлен той самой свинцовой тяжестью. Видимо, на складе был запас, а он, болван, сам подал преступникам идею. И ноги, стоящие на полу, и руки, заведенные за спину, ощущались так, будто вылеплены из глины, а ты паришь сверху, не имея к ним никакого

отношения. Вокруг было поразительно холодно, и Ларри с кряхтением приоткрыл глаза – ну хоть они работают.

Он был на складе теневых предметов, а вокруг стояли три человека: сторож, растрепанная кареглазая женщина и смуглый толстяк с диковато торчащими седыми волосами. Что-то с ними было очень сильно не так, и Ларри инстинктивно дернулся, но тело, конечно, даже не шевельнулось.

– Нам жаль, – сказал сторож. – Ты очень молодой, мы этого не ожидали.

Губы у него оказались бледные и тонкие – и, с ужасом глядя, как они двигаются, Ларри наконец понял, что не так. Все трое были без масок. Совершенно голые, непристойно обнаженные лица. Ларри стыдливо зажмурился, надеясь, что, пока его глаза закрыты, эти бесстыдники оденутся, но, когда он приоткрыл один глаз, ничего не изменилось. Носы и щеки, губы и подбородки – все, что приличные люди никогда не показывают, по-прежнему было прямо перед ним.

А потом случилось нечто действительно мерзкое: сторож потянулся к лицу Ларри, запустил руки под капюшон и начал отстегивать крючки, державшие его собственную маску. Ларри протестующе завыл, а потом сообразил, что рот-то у него не парализован, и заорал во весь голос. Нормальный монструм в ответ на такой вопль хозяина бросился бы на врагов, но попугай только злобно покряхтывал где-то под потолком. Ларри безнадежно вскинул глаза – в темном углу металась тень с раскинутыми крыльями и гневно распушенным гребнем.

Маска упала на пол. Лицо обдало холодом, и Ларри всхлипнул, пытаясь отвернуться. Лучше бы ударили, чем так унижать.

– Вот так, – мягко сказала женщина. – Ты очень красивый, зачем тебе закрывать лицо?

Еще и капюшон стащили. Ларри пытался успокоиться, но ощущение холода на волосах и лице потрясло его сильнее, чем неработающие руки.

– Такие чудесные кудри. – Женщина с любопытством провела ладонью по его волосам. Ларри зашипел. – Под такой уродливой униформой.

– Я ошибся, – простонал Ларри, с усилием вернув себе дар речи. – Двое могут сойти с ума разом. И трое могут. Чего вам надо?

– Ты знаешь, каким был наш остров двадцать лет назад? – спросил сторож.

Он больше не мямлил, голос у него был звучный и красивый, с таким бы петь, а не склады грабить.

– Знаю, – выпалил Ларри, жмурясь, чтобы не видеть эти голые лица. – Бедным.

– Подумай еще.

– Очень бедным?

– Да что ты к нему пристал? – фыркнул седой толстяк. – Ему от силы лет восемнадцать, всю жизнь при Империи провел!

Ларри хотел было сказать, что ему почти девятнадцать, но счел, что эта новость вряд ли улучшит его положение, и вместо этого попытался мысленно отправить монструма за помощью. Тот в ответ издал злобный клекот, явно значивший, что попугай в случае потери хозяина не расстроится, – сольется с Тенью и в другой раз родится монстру-мом более удачной формы.

– Словом, салага, дело вот в чем! – рявкнул ему на ухо толстяк. Ларри подскочил. – Ваш Магус – чокнутый узурпатор и тиран. Он захватил власть, убил короля и навязал всем свою проклятушую теневую магию. Пусть засунет ее себе знаешь куда?

– Папа, не волнуйся. – Женщина сжала локоть толстяка. Тот действительно покраснел так, будто его сейчас удар хватит. – Тебе вредно.

– Нет, ну вы послушайте, – проворчал толстяк. Когда он говорил, глубокие морщины на его лице меняли положение, будто кто-то перерисовывал их заново. – Бедно жили! Ну да, у нас остров из голого камня посреди моря, откуда тут богатеть! Но как весело было, какие праздники! И люди по-настоящему друг друга...

– Давайте ближе к делу, – перебил Ларри. – Что вы сделали со сменщиком? Убили? Думали, что тупые гардианы не догадаются, кто обокрал склад, и будут искать того, кого уже нет, а вы отсидитесь и работу не потеряете?

– Мы его не убивали, он с нами, – негромко проговорил сторож.

– И, думаю, уже продал эти мерзкие холодные штуковины, – встрял толстяк, хотя дочь упорно тянула его назад.

– А зачем вам столько денег? – спросил Ларри, надеясь, что голос не подведет.

– На хорошее дело. Доброе дело, – огрызнулся толстяк, и по его выбору слов Ларри наконец понял, с кем имеет дело.

– Вы бунтовщики, – простонал он. – Да сколько ж вас развелось!

– Больше, чем ты думаешь, – гордо ответил толстяк.

– И вы сдадите мне всех, когда я вас арестую, – ошетинился Ларри.

– Джорди, – сдавленно проговорила женщина, глядя на сторожа. – Пора. Так, как договорились. Нельзя его отпустить.

Еще и имена вслух называют, совсем сбрендил. Но сторож не рассердился, только бросил на женщину взгляд, от которого Ларри обомлел. Он никогда не оставался с любовнобольными один на один, арестовывать их всегда приходили целым отрядом, и он старался не приглядываться, не слушать и не вникать в их безумные убеждения. И, уж конечно, он никогда еще с ними не говорил.

– Вы... вы ее любите, – хрипло выдавил он.

Женщина покосилась на сторожа, и этот взгляд убедил Ларри окончательно: все еще хуже, чем казалось.

– Я люблю ее больше, чем луну и звезды, – негромко ответил сторож, поймав взгляд женщины. – Если потеряю ее, мне останется только умереть.

Та улыбнулась, а толстяк закатил глаза:

– Когда я ухаживал за твоей матерью, я был изобретательнее. Луна и звезды – какая банальность!

О, нет. Получается, тут не один больной, а два или даже...

– Что бы вы сказали, если бы я арестовал вашу дочь, а вас отпустил? – спросил Ларри, кое-как повернув голову к толстяку.

– А я ничего не стал бы говорить. В горло бы тебе вцепился, – отрезал тот, нервно запуская руку в свои седые патлы. – Слушай, щенок, хватит пялиться на меня вот этим взглядом, мороз по коже.

– Вы из старых подпольщиков, – дрожащим голосом пробормотал Ларри. Было так странно говорить, не чувствуя кожей маску. – Растили дочь, не отправляя в школу, так? Вбивали ей в голову эти ваши бредни о том, что любовь – не болезнь.

– Потому что это так и есть.

«Одна из отличительных черт этого состояния – нежелание признавать его протivoестественность», – говорили на курсе по общению с любовнобольными. Ларри прошиб холодный пот. Вот уж повезло – нарвался на фанатиков, а руки связаны.

– А теперь ваша дочь как-то склонилась к своему безумию работника склада теневых предметов, – прошелестел Ларри, затравленно глядя на толстяка. Только не молчать, заговаривать им зубы. – Он ведь не из ваших, иначе его не взяли бы на такую приличную работу. Всех раз в год проверяют на болезнь, и последняя проверка была восемь месяцев назад, а значит, он не так уж давно...

И Ларри перевел взгляд на сторожа. Вот с кем нужно разговаривать.

– Послушайте, – с жаром начал он, глядя в тревожные голубые глаза. – Вы сбились с пути, но это не ваша вина. Нужно просто обратиться за помощью. Одно прикосновение камелии, и вы...

Толстяк вскинул руку, и кулак с размаху впечатался Ларри в челюсть. Боль он и не такую терпел, но фу, как же противно, когда касаются голой щеки.

– Заткнись, крысеныш, – потирая руку, простонал толстяк. – Джорди, пора. Ты же не хочешь, чтобы ваши дети однажды родились в стране, где слово «любовь» звучит как ругательство? Мы же обсуждали: если нас раскроют, ты используешь эту штуку. Вот и давай, а мы отвернемся.

– Как это «отвернемся»? – сдавленно возмутился Ларри. Это оскорбляло принципы теневой магии куда сильнее, чем все, что он тут видел до этого. – Нет уж, собрались убивать, так смотрите! И вообще, вы точно за возвращение золотой магии? Я как-то не так ее себе представлял.

– Точно, – огрызнулся толстяк. – Добро и свет – в нашем сердце.

– Ага, заметно. Прямо сияют. Давайте так: вы вернете ценности, позволите вас вылечить, а я в отчете напишу, что вы сотрудничали.

– Ты не понимаешь, – тихо сказал голубоглазый сторож. – Мы не только для себя. Любить – удивительно. Такое нельзя запрещать, мы хотим, чтобы все это знали. Прости, ладно? Пока тебя хватятся, мы будем уже далеко. Оставить тебя связанным и уйти мы не можем – как только откроем дверь склада, твой монстр улетит за помощью. Нам и так повезло, что он сразу не скрылся, а влетел сюда за тобой. Я просто хочу, чтобы ты знал: мне так жаль, мне очень...

– Пора, Джорди, – прошептала женщина, умоляюще заглядывая ему в лицо. – Давай. Ради любви.

Сторож взял ее за руку, и Ларри растерянно посмотрел на них. Обоим было лет тридцать пять, самый расцвет жизни, когда надо карьеру строить, а не глупостями заниматься. Сторож был светловолосый, с веснушками на носу, женщина – кудрявая и странно одетая, оба – не особо красивые. В том, как они держались за руки, как смотрели друг на друга, было что-то настолько болезненное, неприятно-личное, что Ларри хотелось отвернуться, но он замороженно смотрел, как смотрят на катастрофу. За год работы он видел грабежи ради денег, убийства ради выгодного поста, разборки торговых кланов. Видел тех, кто сошел с ума от неверно сработавших заклятий, и тех, кто возомнил себя заменой Великому Магусу. Участвовал в общих рейдах на ячейки любовнобольных, куда для устрашения старались пригнать всех свободных гардианов. Но общаться с этими безумцами... Выслеживанием, допросами и применением камелии занимался другой отдел, и Ларри подумал: «Не зря им хорошо платят, каждый день видеть такое помешательство – это самому свихнуться можно».

– Нам нужно помочь своим, – твердо сказала женщина, не отводя от сторожа глаз. – Нас ждут.

Сторож коснулся губами ее щеки – Ларри чуть под землю не провалился от непристойности этого жеста – и достал из кармана пятиугольную деревянную коробочку. Ларри понял, что окажется внутри, еще до того, как сторож открыл крышку.

Змейка выползла кольцами, словно была аккуратно скручена внутри шкатулки. На складе и так было холодно, поэтому мороза, которым от нее веяло, Ларри не почувствовал, но он знал – почувствует, когда ее поднесут ближе. Мелких живых змей ловили и пропитывали Тенью настолько, что они становились почти бестелесными и могли... Ларри бессильно задергался, но тело по-прежнему не слушалось.

Это оружие использовали очень редко. Человеческая жизнь – ценность, ее можно отнять только в крайнем случае, а змейка именно это и делает: обвивается вокруг запястья и проникает под кожу. Доползает до сердца и сжимает, не давая ему биться.

Мысли лихорадочно метались. Нужно было срочно выбрать другую стратегию – и Ларри заплакал. Это должно, должно сработать.

– Пожалуйста, не надо, – забормотал он. Смерть надо принимать с достоинством, ни о чем не прося, но тем, кто верит в любовь, подавай сильные чувства. – Я не хочу умирать, вы же добрые, хорошие люди, пожалуйста!

– Замолчи, – сдавленно прошептал сторож и шагнул ближе, держа коробочку в вытянутой руке.

От его кожи веяло жаром, и Ларри стало действительно страшно. Эти люди больны и не будут его слушать, а значит, остается только...

– Я учился в Школе Номер Один, – прошептал он, чтобы купить себе немного времени. – Это самая престижная школа в Империи, там создают все условия, чтобы вырастить в себе Тень, но сирот вроде меня туда раньше не брали. Знаете почему?

Сторож замер, невольно призадумавшись над ответом, и Ларри медленно выдохнул. Времени было совсем мало.

Если вам нужно немного Тени, просто вспомните самый ужасный момент своей жизни. Стыд за провал, который случился по вашей вине, потерю кого-то ценного, разбитую мечту, невыполненное обещание. Болваны, которые верят в золотую магию и хотят ее вернуть, просто не знают, какую силу могут дать печаль, разочарование и страх. Теневые чувства надо уметь приручить, но когда ты не даешь им себя сломать, они – лучшее топливо для магии. Золотые волшебники заблуждались, не желая признавать очевидного: в глубине души каждый соткан из печали. У каждого есть воспоминания, которые разбивают ему сердце, постыдные тайны, раны и шрамы, темные глубины, в которых живут чудовища.

«Вы – мастера своей печали, – написал Магус в одном из своих сочинений. – Вы – властители своего страха. Сила не в том, чтобы сразу забывать о боли. Сила – это смотреть боли прямо в лицо и не отступать ни на шаг».

Ни на шаг.

Поэтому Ларри отправился в собственное теневое хранилище: вызвал в памяти самое болезненное, мучительное воспоминание, которое трогал совсем редко, чтобы оно не потеряло силу, и позволил ему накрыть себя с головой.

– Обычным детям надо учиться не любить, и это дает им великую силу. Но сироты и так умеют. Наше сердце зачерствело, мы не способны на такие страдания, – прошептал Ларри, открывая глаза. Змейка смотрела прямо на него, но сторож все не мог заставить себя ее выпустить. – Меня не хотели брать, но я доказал, что они ошибаются. Тень радуется тем, кого выбросили как мусор. Я точно знаю.

Он заставил себя воспроизвести свои чувства в тот день, когда у него отняли то, что казалось ему таким ценным, и позволил этой огромной, невыносимой печали наполнить себя до краев. Золотые маги считали, будто все можно исправить, но суть некоторых событий в том, что их исправить нельзя. Чувствовать их обломки в себе – и значит быть человеком. Он снова почувствовал под руками ту мягкую поверхность, услышал вокруг смех, и Тень в нем разрослась, как растение, захватывая его тело целиком. Ее мощь была огромной – обжигающий яркий холод. И заклинание свинцовой тяжести, которое давило на кожу, начало растворяться.

Сторож что-то почувствовал – он вскрикнул и бросил змейку Ларри на колени. Она должна была сразу скользнуть под кожу, но вместо этого испуганно сползла по ноге, брякнулась на пол и шмыгнула во тьму. Ларри шумно выдохнул. На тренировках он много раз призывал Тень с помощью воспоминания, но по-настоящему – впервые за год работы: обычно хватало запасов из общего хранилища.

Живот ныл, в висках стучало. Ларри взвыл от усилия, а потом мягким, пружинистым движением встал на ноги и прыжком бросился на кудрявую женщину – быстрее, чем остальные сообразили, что происходит. Она, к ее чести, была не промах – успела дернуться с такой силой, что чуть его не сбросила, ранено, хрипло крикнула: «Джорди!», попыталась ударить

Ларри в лицо, – тот увернулся, рывком выхватил из теневого хранилища камелию и впечатал ей в ложбинку между ключицами. Цветок был настоящий, но в сладко пахнущих белоснежных лепестках шевелились прожилки тьмы. Коснувшись тела, камелия впиталась без следа. Женщина замерла, и по ее остановившемуся, потрясенному взгляду Ларри понял: до нее запоздало дошло, что он сделал. Она слабо царапнула себя по груди, но камелия уже растворилась, и пальцы бессильно проехали по коже.

Сторож бросился на Ларри и дернул в сторону, но тот перекатился, подминая сторожа под себя. Усилий на это ушло немало – волна Тени внутри его схлынула, и вместо нее накатила слабость. Ларри сжал зубы. Он гардиан, и он продержится.

Пока сторож барахтался на полу с вывернутой назад рукой, толстяк бросился к дочери и помог ей встать.

– Деточка, как ты? – сдавленно прошептал он.

С женщиной все было в порядке – она смотрела на отца спокойно, ее лицо больше не искажалось. Ларри выпустил сторожа, поднялся и на всякий случай вытащил из Тени нож. Но сторож на него не бросился – он замер, глядя на женщину. Та смотрела на него задумчиво, будто пыталась что-то вспомнить.

– Что ты наделал, – пролепетал толстяк.

Кажется, это был не вопрос: он и так понял. Неприлично голое лицо исказилось, будто что-то тянуло мышцы в разные стороны, до неузнаваемости меняя форму морщин. Сторож держал женщину за лицо, распластав пальцы на щеках, но она смотрела рассеянно, будто сквозь него.

– Ей следовало пойти и сделать это самой, – неловко пробормотал Ларри. Оба мужчины выглядели уж совсем больными, поэтому он заученно повторил слова службы охраны здоровья: – Прикосновение камелии – это просто и бесплатно. Действенный способ раз и навсегда избавиться от любовной горячки.

– Заткнись, – сдавленно выдохнул толстяк и осторожно взял женщину за руку. – Моя хорошая, посмотри на меня. Это я, это папа.

Женщина послушно перевела на него спокойный, отрешенный взгляд.

– Да, отец, – сказала она. – Я в порядке.

– Она не потеряла память, – встрял Ларри, крепче сжимая нож. – Насколько я понимаю, воспоминания о нездоровом состоянии просто подергиваются дымкой. Становятся неяркими, чтобы из них невозможно было воссоздать манию. Вы должны порадоваться за нее, она теперь здорова.

– Отмени это, – сдавленно проговорил сторож. – Я верну вещи на место. Мы сдаемся. Арестуй нас, только...

Ларри покачал головой.

– Задержанных в вашем состоянии и так лечат камелией. Отменить нельзя, это делается раз и навсегда. Но я знаю, как вам помочь. – Свободной рукой Ларри осторожно вытащил еще один цветок. В общем хранилище они всегда на видном месте, долго копать не надо. – Позвольте мне. Обещаю, вам сразу станет лучше.

Цветок на ладони был таким белоснежным, что казалось, будто он сияет. Прожилки цвета темнели под поверхностью лепестков, как вены, просвечивающие сквозь кожу запястья. Ларри осторожно шагнул ближе.

– Я помогу, – шептал он. – Успокойтесь, все будет хорошо.

На месте сторожа теневой маг высшего класса даже слушать бы такое не стал, он прожил бы свою боль, лелеял ее, но этот бледный веснушчатый великан был явно не из их числа. Он медленно, оглушенно протянул руку. Ларри мягко положил камелию ему на ладонь и помог сжать пальцы вокруг нее. Когда цветок сдавило в кулаке, черные прожилки разлились, затапливая лепестки целиком – и камелия, обратившись в чистую Тень, впиталась в кожу. Сторож

сипло вдохнул и прикрыл глаза. Когда он открыл их, болезнь отступила. Он казался спокойным, и Ларри переключил внимание на толстяка.

Тот плакал, и это было так мокро и нелепо, что Ларри сжал губы. Старые люди не должны испытывать таких сильных чувств, им надо быть почтенными и достойными, но что взять с больного. Ларри осторожно вытащил еще одну камелию и собирался повторить свою речь, но толстяк резким, грубым жестом отмахнулся. На дочь он больше не смотрел, будто, лишившись своей лихорадки, она перестала быть ему интересной.

– Давайте же, – мягко сказал Ларри, по-прежнему пряча нож за спиной. – В вашем возрасте так волноваться просто...

Старик презрительно фыркнул, опустив глаза, – потрясенный, жалкий, с красными пятнами на щеках. И Ларри понял, что он хочет сделать, за секунду до того, как это произошло.

Тень тянется к несчастью, а толстяк был самым несчастным в этой комнате, и змейка, которой они беспечно позволили уползти во тьму, вилась прямо у его ног. Ларри успел сделать только шаг, а толстяк с прытью, которой Ларри совершенно не ожидал от такой развалины, нагнулся, схватил змейку и сжал в руке.

Ларри успел подскочить и ухватить змею за хвост, но она уже скользнула прямо внутрь запястья, и хвост остался у него в руке. Толстяк медленно бледнел. Видимо, змея доползла до сердца, и ток крови прекратился.

– Зачем вы... – прошептал Ларри.

– Нет жизни без любви, – еле шевеля губами, выдавил толстяк.

Бунтари и подпольщики выкрикивали этот лозунг, писали его на стенах – глупость, плод больного рассудка, но сейчас у Ларри от этих слов мурашки по коже поползли. Толстяк упал на пол с неприятным глухим стуком, и Ларри вытер лоб дрожащей рукой. Человек, который еще мог бы работать, лишил себя жизни – его не похвалят за то, что он такое допустил.

Женщина смотрела затуманенно – у любого нормального человека самоубийство вызвало бы ужас, но Ларри слышал, что после камелии первое время все чувства притуплены, не только болезненные привязанности.

– Верните, что взяли, – негромко сказал Ларри бледному до синевы сторожу. – Я помечу в отчете, что преступление вы совершили в состоянии болезни. Про то, что вы на меня напали, упоминать не буду. Год исправительных работ – и начнете новую жизнь.

Сторож не двигался, и Ларри слегка подтолкнул его в сторону выхода.

– Несите, – с нажимом сказал он. – Я не верю, что вы успели все продать, черный рынок в такую рань закрыт. А сообщника мы поймаем, не беспокойтесь.

Сторож тускло посмотрел на него и вышел за дверь. Женщина села на стул у входа, без выражения глядя, как Ларри опустился на колени около мертвого тела и коснулся его, отдавая Тени. Она охватила его и приняла – тело стало прозрачно-черным, потом исчезло совсем. Хоть оно принесет пользу, раз его обладатель таким глупым образом решил покинуть мир. Ларри сердито натянул капюшон, отыскал на полу свою маску и лихорадочно прикрепил ее на место.

Монструм спланировал ему на плечо и как ни в чем не бывало начал чистить перья.

– Тупая птица, – прошептал Ларри и без сил прислонился к ближайшей полке. – Без тебя справился, ясно? Когда стану главным гардианом, тебя заменят и дадут мне нормального.

Попугай треснул его бестелесным черным крылом по голове.

– Р-р-раскатал губу, – мерзким голосом прощелкал монструм. Разговаривал он редко, но метко. – С-с-слабак. Неудачник. Дал пр-р-реступнику себя убить. Таких главными не делают.

Ларри насупился и выпрямил спину.

– Посмотрим, – огрызнулся он.

Попугай клекочуще, хрипло захихикал.

Глава 2 Пророчество

К полудню солнце вырвалось из-за туч, и свет ослепительной волной затопил улицу. Ларри щурился, едва видя прямо перед собой, – от яркого света у него болели глаза, да и не у него одного: это было, пожалуй, единственным недостатком работы с Тенью. Сначала она кажется непроглядной холодной тьмой, где не различить ни путей, ни предметов. Десяток лет тренировок – и учишься видеть в ней ясно. Среди людей, попадававшихся навстречу, Ларри тут же отличал магов высокого уровня. Простые горожане, едва умеющие пользоваться Тенью, шли по залитой солнцем улице как ни в чем не бывало, а некоторые прохожие морщились и держали у лба ладонь козырьком. Ларри важно кивал им, подразумевая что-то вроде: «Я такой же, как вы, а еще я гардиан, смотрите, я веду арестованных преступников», но маги скользили по нему равнодушным взглядом и шли дальше. С монструмом в виде попугая уважения и почета можно было не ждать.

Ларри хмуро натянул капюшон ниже – если что, преступников на слух поймает. Когда в день совершеннолетия тебе присваивают начальный магический ранг, монструм появляется сам собой, принимая форму согласно чему-то, что видит в тебе сама Тень. Ларри понятия не имел, где Тень разглядела в нем что-то, располагающее к появлению несуразной птицы с глупым хохолком.

– Осень начинается, да? – мудрым голосом протянул он, чтобы не думать. – Пока не особо заметно, растения-то вечнозеленые, но вот ветер уже ледяной.

Сторож и женщина промолчали. Руки у них были крепко скованы полосками свинцовой тяжести, ноги над коленями слегка перехвачены ею же, особо не побегаешь. Чтобы всем было заметно, что Гарда не зря ест свой хлеб, арестованных полагалось вести в управление пешком. Ларри замотал нижние половины их лиц полосками ткани, которые нашел на складе, – не вести же их в таком непристойном виде, смущая честных граждан. Неудавшиеся грабители не сопротивлялись и не спорили, будто вообще потеряли к своей доле интерес.

Управление Гарды возвышалось над городом, как огромный черный камень. Ларри слышал, что это строение жителям не особо нравилось, но сам он находил его великолепным. Все пять – целых пять! – этажей были облицованы гладким обсидиановым камнем, и домишки, теснившиеся вокруг, казались крохотными.

Их остров был случайным куском суши посреди бурного моря, каменистым и открытым всем ветрам, поэтому дома здесь издавна строили тесными и с маленькими окнами, чтобы сохранить хоть немного тепла. Их народ сначала выжил на этой бесплодной земле, а потом взял под свое покровительство и научил своему взгляду на жизнь добрую треть известного мира, и от этого Ларри чувствовал особую связь со своей родиной – им обоим так мало было дано изначально, но они сделали головокружительную карьеру.

Выпускники Школы Номер Один чаще всего становились бесстрашными магами-захватчиками новых земель, а Ларри сам захотел остаться дома, на острове. Иметь личные желания не полагалось, поэтому Ларри ловко замаскировал его под нежелание позорить Империю перед другими народами монструмом в виде дурацкой птицы. И с тех пор вот уже год он был, как сказали бы раньше, счастлив.

Золотые маги жили в хаотичном мире, где ничего невозможно планировать, но у него все было под контролем. Через пять лет он получит следующий магический ранг, через десять – станет главой отдела, через двадцать – войдет в управляющий комитет, ну а потом... Ларри довольно вздохнул, представив себя главой Гарды, старым и почтенным: он идет по улице, а все уважительно кивают ему. Сироты обычно не поднимались так высоко, но он собирался стать первым.

Цель поближе и попроще у него тоже была. Она появилась месяц назад, доставила много часов отчаянного ужаса и стыда, но результата пока не принесла никакого. Если бы Ларри о ней спросили, он бы сквозь землю провалился, но, к счастью, никто не знал. История была глупейшая, но даже сейчас, теплым утром, при мысли о ней Ларри облился холодным потом.

С деревьями у них на острове всегда было небогато, их ценили и берегли, слагали о них поэмы и песни. До создания Империи печь, говорят, топили разве что в самые лютые морозы. Теперь-то народ процветал, в столице было полно дешевого угля и дров, привезенных с других концов Империи, но старые привычки умирают с трудом – многие семьи по-прежнему мерзли, но не топили.

А месяца три назад Ларри увидел кое-что потрясающее. Вопреки призывам нового словаря, эти слова никак не заменялись на «кое-что эффективное», потому что вещь, которая потрясла Ларри, была эффективной примерно на один процент из ста.

Маленькое дерево в керамическом горшке – настоящее, с узловатым стволом и глянцевыми толстыми листьями. Оно стояло на столе большого начальника, которого они с капралом и парой других гардианов пришли задержать за взятки. Ларри огуленно таранился на это дерево все время, пока капрал толкал мерзавцу речь о том, что честь – основа великой Империи и кто нарушит ее законы, тот не заслуживает сострадания.

Дерево. В горшке. Дерево, которое всегда с тобой. Дерево, которое можно носить под мышкой. Или водрузить на рабочий стол. Или поставить у кровати, чтобы оно ждало тебя дома. У Ларри взмокли ладони. Свое собственное дерево!

Пару дней он бредил этим домашним деревом и бил себя по рукам, чтобы не пытаться узнать, куда дели конфискованные ценности взяточника, потом плюнул и узнал. Оказалось, суровые ребята из отдела народного добра уже выставили вещи на распродажу, где каждый, кто предложит цену получше, мог купить, что приглянулось. Ларри велел себе не ходить, но вместо этого выяснил, где и когда будет распродажа, соврав, что это в интересах расследования. Гардианам полагалось быть образцово равнодушными к вещам, и за использование служебного положения его бы, как говорится, по голове не погладили, хотя Ларри понятия не имел, зачем в Древнем мире люди трогали друг друга за голову.

Он шел на распродажу, переодевшись из униформы в обычную одежду, и трясся, потому что собственные симптомы напоминали ему лекции о любовнобольных. Зацикленность, ложь с целью добраться до объекта мании, все мысли и желания направлены в одну точку, интерес к полезной деятельности резко снижен, сердцебиение частое, дыхание затруднено. Если бы кто-

то в этот момент проверил Ларри на болезнь, плакала бы его карьера – ему тут же вклеили бы в грудь камелию, а великим теневым магом не стать, когда у тебя обрублена важнейшая способность самому истреблять в себе любовь.

Ларри воровато утешил себя тем, что до следующей проверки еще полгода. Потом запоздало понял, что именно так, скорее всего, больные и рассуждают. Повернул было обратно, но все-таки не повернул. Дошел до причудливого здания рынка, где оживленно толпились люди. Отсидел продажу заморских картин, посуды с тонкими орнаментами и книг на неизвестных языках.

Когда выставили дерево, Ларри вскочил со своего места. Оно немного поблекло, листья обвисли, за ним, наверное, как-то неправильно ухаживали, и Ларри пообещал себе, что, если дерево ему достанется, он узнает все о том, как сохранить его дольше. Потом услышал начальную цену и сник. Она была на грани его возможностей, а люди тут же начали выкрикивать все новые и новые цифры, одну больше другой. Ларри лихорадочно высчитывал, что при зарплате в десять серебряных квадратов в месяц и плате за комнату в пять он все-таки сможет отдать за дерево двадцать. Даже тридцать – есть же конторы, которые дают займы под проценты!

Когда цена перевалила за пятьдесят, Ларри сел обратно, уронив руки между колен. Он привык добиваться своего и теперь поверить не мог, что все закончится так. В конце концов дерево продали за шестьдесят квадратов – неслыханная, огромная цена. За товаром на сцену поднялся богатый человек в темно-синем наряде: по холодному переливу ткани Ларри сразу понял, что эта шикарная одежда еще и в Ястреба позволяет превращаться. Сделана на заказ, не из стандартной темно-серой летной ткани. На секунду Ларри почувствовал острую, удушающую ненависть к человеку, который выложил на стол деньги, обхватил двумя руками горшок и вернулся на свое место, видимо рассчитывая еще что-то купить. Небось один из тех богатых торговцев, что сколотили состояние на продаже вещей из новых уголков Империи.

Ларри вскочил и выбежал на улицу. Для поэтической красоты момента тут должен был бы пойти дождь, но вечер оказался солнечный и по-летнему яркий. Но грусть все равно позволила создать магию – Ларри прямо почувствовал, как Тень в нем растет и ширится. Тоска по дереву, зависть к богачу, ярость проигравшего, страх быть пойманным – все это переплавлялось в чистейший анимус, в материал для будущей магии.

Чтобы не замели при проверке, нужно было всего-то как следует принять потерю. Если в нем засекут искры чего-то, хоть отдаленно напоминающего любовь, то докопаются до причины, а потом будут показывать иллюзию в виде того самого дерева и измерять, что он чувствует: высокую печаль или позорную горячую жажду схватить дерево и все-таки прибрать его к рукам.

Месяц Ларри мучился, размышлял о своих чувствах, читал стихи о потере и стойкости, подолгу летал над морем, ловя крыльями неверные потоки воздуха, – словом, делал все, чтобы избавиться от мании, и был отчаянно, страшно удивлен, когда это не помогло.

Времени до проверки оставалось всего месяца четыре, и Ларри решил разобраться по-другому. Навязчивая идея появилась оттого, что дерева у него нет, – значит, надо просто раздобыть другое. Как только он его получит, все пройдет. Ободренный этой мыслью, Ларри поспрашивал на черном рынке, опять солгав, что для расследования, и выяснил, что за сорок квадратов можно по-тихому достать такую штуку из-под полы. Так что теперь он брал двойные смены, сказав капралу, что сходит с ума от желания утереть нос бывшим одноклассникам (это была почти правда), и выходил на работу в полчетвертого утра. Он уже накопил двадцать квадратов, осталось совсем немного. Все под контролем: через пару месяцев получит дерево, полюбуется и успокоится.

Ларри приободрился и взбежал по черным ступенькам, держа задержанных под руки.

– Вас сейчас оформят, а потом сразу покормят и койки дадут, – пояснил он.

Сторож и женщина даже ухом не повели – они были погружены в себя, и Ларри невольно содрогнулся, представив, каково сейчас у них в голове: будто ищешь что-то, что там было, а вокруг пустота, и ты даже не помнишь, что потерял.

– Смотрите, какой холл, – неловко проговорил он, обводя рукой исполинский каменный зал с высоким потолком.

Коридоры уходили во все стороны, теряясь в полутьме. Обычно гардианы сновали во все стороны, но сегодня здесь было удивительно пусто. На красоту постройке парочка неудавшихся влюбленных не отреагировала, и Ларри со вздохом повел их на второй этаж, в отдел наказаний.

– Недоброго дня, Три Восемь. А где все? – спросил Ларри у взвинченного, беспокойного дежурного.

– Недоброго, Ноль Ноль Один. Маги высших рангов ушли на какое-то совещание и сидят там уже часа четыре, – почему-то шепотом сказал дежурный. Его монструм в виде кота дрых на столе, свернувшись клубком. – Что-то случилось. Незапланированное.

Дежурный тяжело вздохнул. Простых людей незапланированные события выбивали из колеи, как удар кувалды, но даже гардианы, которые барахтались в непредсказуемом мире преступности, сюрпризов не любили. Ларри содрогнулся от мысли, что этот сюрприз может и по его душу прийти, но вслух только фыркнул.

– Да ладно, не наше дело. Прими вот этих, – проговорил он легким тоном, чтобы не угробить свою репутацию дерзкого парня, которому море по колено. – Любовнобольные пытались ограбить склад теневых предметов, есть сообщник. Я их пролечил камелией, они не опасны. Пойду отчет писать, ищи его в архиве минут через сорок.

– Напиши, как дал себя поймать! С-с-слабак! – внезапно прощелкал монструм у Ларри на плече.

Ларри быстро зажал ему клюв – на ощупь попугай был неплотный, словно скатан из очень холодной пыли. Три Восемь сделал вид, что ничего не слышал, и развернулся к арестованным.

– Добро пожаловать в управление Имперской Гарды, – промямлил он, потому что учти-вость надо сохранять даже в сложные времена. – Пройдите за мной.

Ларри, держа за клюв попугая, который рвался что-то еще сказать, бросил взгляд на сторожа и его женщину. Они сонно замерли посреди комнаты, и Ларри почему-то захотелось, чтобы они обернулись к нему еще раз, но этого не произошло. Три Восемь увел их, и Ларри поплелся на свой этаж.

Монструм, обретая свободу, тут же треснул хозяина клювом по голове.

– Чего? – огрызнулся Ларри, чувствуя себя единственным Ястребом, которого ненавидит собственный теневой помощник.

– З-за тобой идет, – зловеще прощелкал попугай, который любил время от времени разразиться каким-нибудь бессмысленным, никогда не исполняющимся пророчеством. – С-страшись.

– Угу, непременно, – хмыкнул Ларри и зашел в свой отдел.

На месте был только Роджер – парень лет на пять старше его, сын баснословно богатых родителей, которые, по слухам, пристроили своего отпрыска в Гарду, чтобы не отпускать на завоевание новых земель.

– Входят два синяка под глазами, за которыми едва видно хозяина, – фыркнул Роджер, весело щуря темные, как сливы, глаза. – Опять на смену в полчетвертого вышел? Того, что тебе за это заплатят, не хватит даже на нитку в моем носке.

– Жаль, что твои носки не в курсе, как им повезло, – проворчал Ларри.

Взаимные придирки сотрудников поощрялись для сохранения атмосферы рабочей злости, но Ларри отвечать тем же было лень. Он рухнул за свой стол, на секунду представил, как здорово тут будет смотреться дерево, и тут же отогнал эту мысль. Нельзя на работу приносить,

этот придурок тут же все листья оборвет. Надо спрятать дома и никому не показывать. Ларри яростно запустил руку в Тень, вытащил бумагу и шепотом начал диктовать ей отчет по утренним вызовам. В кармане медленно растворялись теньевые послания, даже лягушка больше не трепыхалась, но Ларри отлично помнил, сколько их было: восемь. Свою смену он отработал на всю катушку.

– Да ладно, чего ты. – Роджер швырнул ему в затылок шарик Тени, и Ларри подскочил от укола холода. – Можно и отдохнуть, пока начальства нет.

– Ты точно Ястреб? – вяло огрызнулся Ларри. – Не приемный?

– Более чем точно. При моем рождении присутствовали все ветви семейства. Говорят, закатали такой пир, что родственнички до сих пор никак не забудут.

Ларри выпятил челюсть, продолжая шепотом описывать семь незначительных утренних вызовов и ограбление склада, но в голове по-прежнему стучали слова Роджера. Еще до Империи рождение ребенка было праздником – все родичи собирались посмотреть на новорожденного и пожелать ему счастья и удачи. Теперь вместо этого желали сильной Тени и стойкого характера, но традиция никуда не делась: хоть в пять лет ребенка и отдадут в школу, чтобы научить преодолевать любовь к родителям, появление нового человека – все равно особый день. Ларри был уверен, что при его рождении никто ничего не праздновал, иначе вряд ли его подбросили бы под дверь приюта для одиноких младенцев, поэтому чужие праздники рождения до сих пор были вернейшим способом вывести его из себя. Чтобы эта злость не поработила его, а переработалась в здоровую Тень, Ларри медленно выдохнул и в который раз подумал, что не вырос бы таким целеустремленным, если бы о нем заботились.

Роджер продолжал что-то говорить, но он больше не слушал – безмятежно закончил отчет и отработанным движением ума пожелал оказаться в общем хранилище. Тело осталось сидеть на стуле, потому что хранилище не было местом, где можно оказаться физически, – целиком сотканное из Тени пространство, куда могут откуда угодно попасть все, у кого есть на это рабочее разрешение: гардианы, охранники теньевых складов, захватчики новых территорий, сотрудники игровых Селений. Большинство залов было отведено под оружие, но Ларри отправился в самое неинтересное место – в архив: бесконечные ряды полок, заваленных свитками бумаги. Здесь можно было найти сведения о любых преступлениях и их раскрытии, обо всех вызовах, на которые выезжали гардианы, будь то пожар, обрушение каменной кладки, бунт или мелкая кража.

Холод тут стоял чудовищный. Ларри был уверен, что, будь его тело тут, оно упало бы замертво, но у него даже сознание как-то ухитрилось мерзнуть. Полку с сегодняшней датой найти было легко – она была к двери ближе всех, а вот прошлое терялось во тьме. Ларри уложил туда свитки, пометив их ключевыми словами, а сверху бросил остатки посланий в виде разных зверьков. Текст на них уже изгладился, форма поплыла, но Тень еще не растворилась полностью – сольется с хранилищем и будет питать его. Ларри как раз собирался вернуться, когда вдруг почувствовал что-то очень странное.

В хранилище невозможно попасть с кем-то вместе – даже если заходите вместе, каждый всегда оказывается тут один, – но сейчас ощущение чужого присутствия было острым и четким. Кто-то смотрел на него, да так, что волосы на затылке дыбом встали – будто всезнающий дух с острыми зубами, который разорвет тебя на клочки, если только оглянуться. Ларри, конечно, обернулся, потому что единственный способ преодолеть страх – встретиться с ним.

Никого не было. Вот только ощущение никуда не делось, и Ларри медленно пошел вперед, в темноту.

Темнота издала какой-то странный, свистящий звук. Ларри замер, внезапно почувствовав себя ужасающе беспомощным.

«Я не боюсь», – упрямо подумал он, надеясь, что чудовище, прячущееся во тьме, его услышит, и рванул назад.

Он вылетел из хранилища так стремительно, что голова вспыхнула болью. В тело надо возвращаться спокойно, без резких движений, но он драпал, как заяц, и сжал зубы от яркого света, навалившихся отовсюду звуков и ноющей, до зубов достающей боли в висках.

Голоса нарастали и, кажется, обращались лично к нему. Ларри проморгался и увидел над собой суровое лицо капрала. Тот почесал щеку через маску с таким сочным хрустом, что сразу ясно было – побриться не успел, что-то отвлекло.

– Чего прохлаждаешься? – буркнул капрал. – Зовем тебя, зовем. Позоришь меня перед начальством. – Он обернулся и сказал кому-то: – Приношу извинения, он не всегда такой сонный.

Договаривая эти слова, капрал четким движением врезал Ларри сапогом по лодыжке. Тот чуть не взвыл от боли, но тут же вскочил и вытянулся по стойке смирно.

Перед капралом стояли двое в густо-зеленой униформе, которую разрешалось носить только личной охране Магуса. Они вместе держали перед собой серебристый поднос, на котором лежал бумажный прямоугольник: не свиток, а письмо в конверте – так отправляли только секретные и важные послания.

Крутые парни, от которых аж холодом веяло, явно пришли к капралу, и Ларри понять не мог, с чего все остановилось перед его столом и сверлят его взглядом.

– Сержант Ноль Ноль Один? – тускло спросил один из гостей, обладатель поразительно ярких голубых глаз.

Ларри слабо кивнул. От быстрого выхода из Тени у него немилосердно кружилась голова, и он бы с удовольствием где-нибудь прилег, но взгляды дуэта в зеленом ясно говорили, что прилечь удастся еще не скоро. Они смотрели прямо на него – не сквозь, не поверх, прямо в глаза. Монструмов таких важных шишек Ларри решил не разглядывать – мало ли, вдруг они смешные, а лицо надо сохранить очень серьезным.

– Кхм. Да. Я сержант Ноль Ноль Один, – еще разок подтвердил Ларри, потому что гости так ничего и не ответили.

– Тебе послание от Магуса, – бесцветно проговорил голубоглазый.

– Угу, да, прямо от него, – фыркнул Ларри.

А потом увидел, как вытянулись лица этих двоих, и шутовское настроение как рукой сняло. Чувствуя подвох, Ларри надорвал конверт и вытащил письмо. Бумага оказалась ледяной, аж пальцы закололо. На ней теневой диктовкой был выведен текст, и при виде первых же слов Ларри вытаращил глаза.

Сержант Ноль Ноль Один!

В одной из бывших золотых земель произошло восстание – подробности вам сообщат. Подавление бунта пройдет по нескольким направлениям, которые мы обсудили во время собрания.

Одним из важных шагов является работа с духом земли – жители конечно же захотят создать его, и мы не можем помешать им, но можем успеть первыми. Насколько я знаю, для этого не обязательно быть из нужной земли, достаточно проявить смекалку.

Как вы помните, дух-защитник обретает черты характера, которые вложит в него тот, кто его создал. Вы отправитесь на место событий с одной миссией: создать духа чуждой земле и научить его нашему взгляду на мир. Тогда у нас появится неожиданный союзник на их стороне, а это лишним не будет – противник силен, не будем его недооценивать. О других сторонах нашей операции не волнуйтесь, о них позаботятся другие.

Уверен, вы спрашиваете себя, почему выбор пал именно на вас. Ответ прост: для такой работы нужен некто молодой и располагающий к себе, тот, кто сможет невредимым пробраться через чужие земли, не

вызывая подозрений местных. Маги-захватчики, боюсь, могут выдать себя, и я предпочел выбрать сотрудника другого ведомства. Просматривая дела внешне привлекательных сотрудников Гарды, я обратил внимание на то, что один из них работает в двойную смену. Это похвальное карьерное рвение, которое не должно остаться без награды.

Если выполните задание, вам будет немедленно присвоен следующий магический ранг. Если не справитесь, будете лишены всей Тени и отправлены на бессрочные общественные работы. Не думаю, что вас влечет перспектива убирать улицы на глазах у ваших бывших товарищей по работе, но я уверен, что до этого не дойдет. Империя рассчитывает на вас, и, конечно, вы ее не подведете. Сейчас вам разрешается отправиться за пророчеством в Колыбель Тени – великая и редкая честь. После этого немедленно отправляйтесь к месту событий.

*Успехов,
Магус.*

Ларри заледеневшими руками вернул письмо на поднос. От соприкосновения с металлом бумага вспыхнула черным и распалась на чистую Тень, которая тут же впиталась в поднос. В комнате повисла гробовая тишина.

– Э, – наконец сказал Ларри. – М. Так. Хм.

На что-нибудь более красноречивое не было сил – сердце колотилось как ненормальное, дышать было трудно. В голове одновременно стучали ужас от перспективы все испортить, волнение перед лицом задачи, так сильно превышающей его возможности, и глупая непрошенная радость от того, что его назвали «внешне привлекательным». До приема в Гарду их заставляли снять маску и показать Тени лицо – кто же знал, что его запомнили красавчиком!

– А, – просипел Ларри, потому что важные люди ждали ответа. – А этот бунт – его ведь уже подавляют, да? Они там... На улицах протестуют? Работать отказываются?

– Если бы, – огрызнулся капрал. – Они создали новое место силы и освободили этим сразу пару десятков золотых земель, превратив их в одну. На рассвете наши пытались задержать главного смутьяна, но местные скрылись с помощью своей магии.

Ларри сглотнул. Еще ни одному краю, освобожденному от золотой магии, не удавалось вернуть ее обратно, и уж тем более – с таким сокрушительным успехом. Капрал раскатал на столе карту, и Роджер, маячивший у Ларри за плечом, потрясенно выдохнул.

Карта известного мира представляла собой множество соприкасающихся лоскутов небольших земель. Контуров значительной их части светились мягким зеленоватым цветом, а самая яркая точка была в левой части карты, на их собственном острове, там, где находилась Колыбель Тени. Снизу и справа на карте по-прежнему теснились плотные скопления золотых земель, но с каждым годом они становились все меньше – зеленый цвет наступал на них, затапливал одну за другой.

Сюрприз ждал посреди великолепно-зеленого центра карты, там, где раньше была едва заметная золотая искра: так называемый Квадрат Ноль Ноль, который дикари защитили куполом и до которого никак не получалось добраться. Теперь на месте этой раздражающей, но безобидной точки красовалась широченная полоса золотого.

Ларри тупо уставился на это бедствие. Неудивительно, что начальники просидели на собрании все утро.

– Он мне предлагает это остановить? – сдавленно спросил Ларри.

– Я бы не назвал это предложением, – пробормотал капрал. – Ну, зато покажешь все, чему тебя учили.

Ларри затравленно посмотрел на начальника. Шансы на то, что в конце этой истории он отправится мести улицу до конца жизни, по его подсчетам, стремились к восьмидесяти из ста.

Из оставшихся двадцати пятнадцать приходились на вероятность, что он просто сдохнет где-нибудь в диких землях, не дожив до финала.

– Нам нужно формальное согласие, – равнодушно проговорил голубоглазый.

– Пр-р-ровайтесь вы все! – гаркнул монструм, который всегда подбирал самый неудачный момент для выступления.

Ларри обреченно сжал ему клюв, хотя гости, конечно, уже все слышали. Момент был – хоть сам сквозь землю провались, но тут Ларри внезапно увидел свет в конце тоннеля: зависть на лице богатенького Роджера, который с детства купался в заботе и деньгах. Роджер выглядел так, будто готов вырвать задание у соперника из рук, и Ларри расправил плечи. Чтобы этот хлыщ, у которого с детства все было, отнял его минутой славы? Да ни за что.

– Согласен, – выпалил Ларри. – Воля Магуса – закон! Исполню в точности.

Капрал шумно выдохнул. Двое кивнули и пошли к двери, забрав с собой и поднос, и ощущение холода: рабочий зал без них показался теплым и уютным, как никогда в жизни.

– И все? – шепотом спросил Ларри.

– А чего тебе еще надо? – огрызнулся капрал. – Фанфары? Объятия? Прощальные подарки?

Вообще-то слово «подарки» новый словарь тоже не рекомендовал использовать и замен не предлагал – само явление устарело, потому что так называли безвозмездную добровольную передачу собственности другому лицу, а кто же будет таким заниматься.

– Нет, зачем, – промямлил Ларри. – Точные инструкции. План. Оружие какое-нибудь.

– Импровизируй, – буркнул капрал, исподлобья глядя на него. – И только попробуй меня подвести. Я тебя, сопляка, взял под крыло не для того, чтобы ты меня позорил.

Ларри вдруг почувствовал нечто очень странное. Ему захотелось шагнуть вперед и сомкнуть руки на спине капрала. Он никогда не видел такого жеста, нарушать личное пространство было неприемлемо, и все же... Ларри дернул руками, но оробел и так и не смог их поднять.

– Для меня честь служить Империи в вашем отделе, – прошептал Ларри вместо этого. – Я вернусь с победой и честью для всех нас.

Капрал отрывисто кивнул и шагнул назад, будто почувствовал, что Ларри собирался сделать.

– Все, пошел отсюда, – проворчал капрал. – Одежду я уже запросил в отделе снабжения, ее доставят тебе домой, ищи на столе. Как и ракушку, которая позволит связаться с нами, не используя Тень, – вдруг дикари чувствуют всплески чуждой им магии. Монструма замаскируешь по стандартной процедуре.

– У вас есть ключ от моей комнаты? – слабым голосом поинтересовался Ларри, и капрал посмотрел на него как на дурачка.

– Конечно. Мне, кстати, докладывали и про твой запас кусков сахара в одном тайничке, и про сборник веселых стихов во втором, – хмыкнул капрал.

– Хорошо, что третий не нашли, – просипел Ларри, чтобы не выдавать, насколько он потерял дар речи.

– Нашли-нашли, уже давно, – успокоил капрал. Глаза у него посмеивались. – Увеличительное стекло? Seriously, зачем ты его прятал?

Ларри сглотнул. Он представил, что было бы, если бы он поставил дома растение до того, как узнал, насколько у родной Гарды длинные руки.

Стекло он прятал потому, что его зрение не было идеальным, но признаться в этом наверняка значило бы вылететь с работы.

– Хотел изучить, из чего состоит Тень, – брякнул он.

– Глупый ты, – с чувством сказал капрал. – Ни из чего. Она просто есть.

– А почему он? – вдруг спросил Роджер. Темные глаза над маской сердито блестели. – У меня больше запас Тени.

– У твоей семьи, не у тебя, – ошетинился Ларри. – Не одно и то же, знаешь ли. Магус знает, кого выбирать.

Вот теперь, глядя на разочарованного Роджера, он впервые почувствовал смутное удовольствие от того, как все складывается. В школе учили, что, если тебе хоть кто-то завидует, значит, жизнь удалась, – и сейчас, похоже, был именно тот случай.

– До свидания, капрал, – прохладно сказал Ларри. – Роджер, надеюсь, ты справишься с вызовами: кто-то же должен защищать город, пока меня не будет.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и гордо вышел за дверь.

Первым делом нужно было разделаться с визитом в Колыбель Тени. В теории предполагалось, что это большая честь, но Ларри передергивало при мысли о том, что будет, если Тень увидит в нем что-нибудь не то, – а судя по монструму в виде попугая, не того было полно.

Легенда гласила следующее: есть на свете места хорошие и плохие – так их называли раньше. В первых издавна создавали места силы, вторые обходили стороной: там пропадали люди и вещи, возникали миражи из света и звука, туда стремились и погибали отбившиеся от стада овцы и козы. Было плохое место и у них на острове – пещера в скалах. Древние поговаривали, что, зайдя туда, никто не возвращался обратно, что в окрестностях слышали шепот, идущий из ниоткуда, а солнце в тех местах светило неярко, будто что-то поглощало лучи.

Около двадцати лет назад Великий Магус, который таковым еще не являлся, зашел в эту пещеру. Никто не знает, кем он был раньше и как ему пришла в голову такая идея. Известно одно: Магус понял, что места с дурной славой – не просто шутка природы. Если в добрых местах сильнее всего золотая магия, то в плохих сильна какая-то другая, неизвестная – Магус назвал ее Тенью и выпустил в этот мир. Золотые волшебники проделывали то же самое, когда создавали свои драгоценные места силы: давали теплой сияющей магии позволение хранить и защищать свой край. В чем-то, может, это было и неплохо, вот только золотых народов на земле было полно, а как добиться величия, когда ты такой же, как все? И Магус совершил героический, храбрый поступок: ради процветания своего народа дал Тени разрешение хранить голый и нищий остров Ястребов.

И Тень щедро ответила – за то, что ей дали собственную землю, она научила своего освободителя ткать магию, какой не знал еще никто в мире, холодную и могучую. Эта магия питалась анимусом – той частью души, которой золотые народы пренебрегали. Анимус – это гордость, независимость, жажда иметь больше, чем другие, способность видеть мрачную и печальную сторону жизни, ледяная стойкость перед лицом опасности.

Магус показал жителям, на что способна новая магия, и они поняли, какие возможности она перед ними открывает. Тихого короля-неумеху свергли, Магус взял правление в свои руки, а те, кто не хотел отказаться от старых порядков, ушли в подполье. Пока Ларри жил в приюте, о подпольщиках слышно было каждый день, но к тому времени, как он пробился в школу, число бунтарей начало редеть само собой. Расчет Магуса оказался верным: на работу их не брали, а трудноато быть нищим, когда все вокруг богатеют.

Место, где Магус разбудил Тень, все заслуженно обходили стороной: там правили не люди, а сама суть волшебства, всезнающая материя, которая дает могущество тем, кто ей служит, но и наказывает, как ей вздумается. Легенда гласила, что там можно получить пророчество о своей жизни, но про желающих Ларри что-то никогда не слышал. И вот теперь Магус отправляет туда его: простого парня, который всего лишь хотел растение в горшке и продвигнуться по службе. Ларри сглотнул. На секунду мелькнула мысль не ходить – но что, если Тень наябедничает Магусу?

И Ларри побрел узкой, осыпающейся тропкой наверх, в скалы. Город остался позади, вокруг теснились пласты голого камня, на которых тут и там попадались выбитые древними

людьми картинки: человечки с огромными, вытаращенными от ужаса глазами, знаки молний, предупреждения в виде надписей «Нет пути» на староястребином языке. С установлением Империи эти знаки не уничтожили: оставили как напоминание о том, что страх, которого раньше старательно избегали, в новые времена стал способом укрепить характер. Все знали, что сюда полагается идти пешком, а не лететь, – чтобы пройти свою дорогу страха от начала до конца.

Постепенно звуки стихли – звери тут не жили, птицы, которые летают всюду, не показывались. Оробела даже та птица, что сидела у Ларри на плече: ни выкриков, ни клевков в ухо.

– Струсил, чучело? – злорадно спросил Ларри, дернув плечом, которое мягко охладило монструма.

– Тебя ждут ис-с-пытания, – невесело прокаркал попугай, и Ларри фыркнул, чтобы замаскировать испуг.

– Вот и радуйся, если умеешь, – огрызнулся он. – Хотел от меня избавиться, так шансов теперь будет полно.

Он собирался прибавить еще что-нибудь, но тут впереди послышался звук, от которого мгновенно взмокла спина. На много шагов вокруг не было ничего, кроме камня, – и все-таки впереди шуршали листья. Сочно и многогласно, будто сотня деревьев стоит рядом, хотя Ларри в жизни не видел столько растений одновременно. Этот звук, новый и удивительный, будто гладил уши, и Ларри как раз успел убедить себя, что все в порядке, когда к шуму листьев прибавился шепот.

Второй звук был металлический и шуршащий, будто трясут банку, наполненную железной стружкой. Поначалу казалось, что голос шелестит одни и те же ноты, потом Ларри различил слова. Он знал их – это были стихи из сборника «Теневая поэзия», который все учили в школе наизусть. Автор там был не указан, но Ларри всегда казалось, что стихи написал Магус, а теперь, слыша, как голос из ниоткуда повторяет одну и ту же пару строчек, он вдруг подумал: что, если этим рифмованным словам научила Магуса сама Тень?

*Он дно морей изведал всласть:
Чтобы воспрянуть, нужно пасть.*

От желания развернуться и бежать Ларри аж встряхнуло, но он сдержался. Гардианы не бегут. У него лучшая работа в мире, он выполнит задание и вернется к ней, а это стоит того, чтобы пережить пару неприятных минут.

Источник звука был все ближе, а вот предупреждающих надписей больше не попадалось – кажется, так высоко в древние времена никто не забирался. Ларри пропелся еще сотню шагов и, собрав в кулак всю свою храбрость, выглянул за каменный выступ. Впереди была неглубокая пещера, на вид совершенно безобидная. А вдруг там и нет ничего? Может, история про это место – просто легенда. Сказочки. Глупости.

– Сержант Ноль Ноль Один прибыл, – на всякий случай представился он.

Голос получился что надо – громкий, уверенный. Шепот и шум невидимых листьев стихли. Еще минуту Ларри ожидал увидеть какой-нибудь жуткий призрак, но все было тихо. Отсюда даже можно было разглядеть дальнюю стенку пещеры – пф-ф, так-то вообще не страшно!

Ларри решительно подошел ближе и заглянул под своды. Пещера как пещера, на острове таких сотни.

– Я это... за пророчеством, – сказал Ларри, чувствуя себя глупее некуда.

Где Магус отыскал тут Тень? Даже не холодно. Может, надо сказать что-то особенное? Вдруг Тень любит стихи? И он прошептал еще один отрывок из того же сборника:

*Здесь край идущих до конца,
Для слабых больше места нет.
Тьма, что лишила нас лица,
Вернет нам то, что отнял свет.*

Стихи на вкус Ларри были так себе, хотя он бы скорее язык себе откусил, чем признался. И они явно не помогли.

– Эй, – Ларри задрал голову, чтобы хоть краем глаза видеть монструма, – ты же соткан из Тени. Хоть раз в жизни будь полезным – чего она от меня хочет?

Попугай снисходительно глянул на него. Глаз у этой твари не было, что не мешало ей смотреть с самыми разными выражениями, от лютой ненависти до легонького, вот как сейчас, презрения.

– Пошар-р-рь вокр-р-руг, – посоветовал монструм.

Ларри хотел было сказать, что тут особо негде, но понял, что в углах все-таки темновато. Вряд ли там пряталось что-то жуткое, и Ларри спокойно пошарил рукой в неглубоком полумраке.

И обомлел, когда рука наткнулась на что-то плотное, совершенно осязаемое. Глаза не видели ничего, кроме сероватой мглы, но рука определенно касалась предмета сложной формы и высотой по колено.

Все произошло одновременно: Ларри понял, что именно ощупывает, в пещере вдруг стало темнее, а то, что минуту назад было бесплотным, превратилось в реальный предмет – он будто соткал сам себя из темноты.

Это было дерево в горшке – то самое, которое он видел на распродаже. Ларри сел на землю. Порыв, который он испытал, удивил его самого, – ему захотелось вынести дерево на воздух, разглядеть и убедиться, что оно в порядке. Несколько секунд Ларри был так оглушен этим желанием, что не замечал вокруг ни звука, а потом в голове прояснилось, и он запоздало увидел, что происходит.

Выход из пещеры медленно заволакивало тьмой – она мягко ползла справа налево, и ход пока был свободен, можно было выскочить, Ларри уже встал на ноги – и не сдвинулся с места. Простая, человеческая его часть вопила, что он останется замурованным тут навечно, что нужно спасаться, но он не для того провел столько лет в Школе, чтобы трусливо сбежать при первой опасности. Настоящий Ястреб всегда спокоен, всегда рассуждает разумно и не поддается вспышкам чувства.

Сюда идут, чтобы получить у Тени пророчество. Если для этого нужно остаться с ней наедине, он это сделает.

– Я не боюсь, ясно? – выпалил он, сложив руки на груди.

Полоска света, съедаемая тьмой, жутко и неумолимо сужалась. За черной завесой исчезло небо, облака, далекие нагромождения камней – и пещеру поглотила тьма. Ларри почувствовал, как монструм сильнее вцепился когтями ему в плечо.

– Здравствуй, – прошептала тьма. Ларри сглотнул. – Я знаю тебя. Я вижу твое сердце. От меня ничего не скрыть, такова моя природа. Ты немного болен, верно? Я никому не скажу. Это будет наш с тобой секрет.

Ларри сотни раз слышал, что Тень – не просто материал, из которого можно создавать хранилища, оружие и вещи, что она живая, но одно дело слышать, а другое – вот это все. У него слиплись от пота волоски на затылке. Как же страшно. Наверное, сама Тень и следила за ним в хранилище этим утром.

– Не бойся, я не обижаю тех, кто мне служит, – продолжил приятный нечеловеческий голос. – А уж тебя – особенно. Ты необычный мальчик и важная фигура в этой истории, куда важнее, чем тебе кажется. Думаешь, тебя послали оттого, что ты работаешь в две смены?

Она ждала ответа, и Ларри выдавил:

– Д-да.

Тень хрипло, нежно засмеялась.

– Какой ты забавный. И еще очень юный – даже хотел обнять капрала, потому что тебе так нужен папочка. Пора тебе вырасти. Твой поход очень важен. Если дашь слабинку, будешь мягким, дашь врагам себя переубедить – Империя рухнет. А если проявишь мужество, я навсегда стану твоим другом. Как для Магуса. Твоя слава будет огромной, и однажды ты заменишь его. Магус не вечен, он такой же человек, как все, будет справедливо и во всех смыслах разумно, если ты придешь ему на смену. – Она подула ему в волосы, и Ларри подскочил. – Вот мое прощенье: вся твоя жизнь зависит от этого задания. Ты можешь стать величайшим Ястребом, главное – не ошибись.

Тень тихонько рассмеялась, и Ларри мороз по коже продрал. Голова предательски кружилась, ему казалось, что он вот-вот рухнет в обморок, позорно и жалко.

– Ну все, все, не бойся, – успокоила Тень. – Я твой друг, со мной ты в безопасности. Просто делай то, что должен.

Холодное дыхание коснулось уха, будто нечто придвинулось ближе, и Ларри в приступе самоубийственной храбрости обернулся. Никого не было – и все же...

– И ты не бойся, – прошептал он. – Я не отступлю. Ни за что.

Непроглядная темнота мягко взгляделась в него, и ее плотность вдруг резко упала: минуту назад она сходилась вокруг густо, как туман, а теперь стала совершенно обычной.

Ларри улыбнулся. Он по-прежнему был замурован в таких дальних скалах, что кричи не кричи, прийти некому, но он был сейчас в том состоянии, которое их в Школе учили особенно ценить: пережив ужасный страх, ты оказываешься на вершине своей человеческой природы, там, куда не добраться тому, кто ни разу не боялся по-настоящему. Он протянул руку к выходу, подцепил рукой плотную тьму и резко дернул на себя.

Она разорвалась так легко, что Ларри зажмурился от внезапного света. Снаружи ничего не изменилось: камни и серое небо. Ларри обернулся, втайне надеясь, что растение в горшке осталось на месте – но в углу пещеры ничего не было.

Ларри пошарил рукой по плечу, чтобы проверить, на месте ли монстр. Тот сидел, привалившись к его голове, будто в обмороке. Ларри потрепал бестелесные перья, чувствуя себя опьяняюще могущественным. Он особенный. Он все сделает. Как Тень могла подумать, что он ее подведет?

Он спокойно пошел с горы вниз, прислушиваясь к звуку осыпающихся под ногами камешков. Вскоре скалы стали пологими, впереди, как в чаше, лежал город. Ларри остановился посмотреть: высокое черное здание Гарды, скопления каменных домишек, а дальше, за пределами видимого, остров продолжался: деревни, нагромождения камней, утесы над морем. Такой негостеприимный клочок суши стал центром известного мира – и он им останется. Ларри об этом позаботится.

Комнату он снимал в двухэтажном доме с крепкими стенами и ворчливой хозяйкой. Помимо Ларри, здесь жили несколько сотрудников университета, где изобретали новые виды теневого оружия, и одноногий старик, работавший ламинаром, пока гигантская рыба не прокусила ему ногу насквозь. По вечерам эта публика собиралась на крыльце, чтобы не торчать в тесных комнатках, но сейчас Ларри никого не встретил – разгар дня, все на работе, даже старик уходил торговать в какой-то лавке.

На кровати обнаружили аккуратно разложенные вещи: одежда, сухой паек в дорогу, ракушка на шнурке и глиняная фигурка. Свет через небольшое окно пробивался с трудом, и Ларри поднес фигурку к лицу, чтобы разглядеть.

Это была птичка с широко раскрытым клювом, из которого торчал язык. Ларри смотрел на нее минут пять, прежде чем сообразил, что это такое. Он со всей силы сжал птичку в руке, задохнулся от боли, когда осколки глины впились в кожу, но стерпел. Из разбитой фигурки что-то вылилось и впиталось ему в руку. Он сбросил осколки на пол, посмотрел на вымазанную черным ладонь. Кое-где черное смешалось с кровью из порезов, и Ларри опустился на матрас. Надо немного подождать.

Матрас, набитый соломой, был таким уютным, что Ларри от всех пережитых потрясений чуть не заснул, но вместо этого встряхнулся и проговорил:

– Привет. Я путешественник. У вас очень красивая земля.

Думал он на своем языке, но слова складывались во рту по-новому, звуки получались совсем другие. Таких птичек выдавали магам-захватчикам, чтобы временно выучить язык незнакомого края. Ларри понятия не имел, сколько эта штука действует, – оставалось только надеяться, что ему хватит.

Он сложил еду и новую одежду в холщовую сумку. Перекинул ее через плечо, надел на шею ракушку для связи и протянул руку ладонью вверх.

– Давай, – сказал он, и монструм послушно слетел ему на руку.

Никаких замечаний он не отпускал, встреча с Тенью его, кажется, припугнула. Ларри подул на монструма, и тот начал съеживаться, пока не упал на ладонь крохотной глиняной фигуркой попугая. На спине у поделки была трогательная петелька, чтобы вешать ее на шею, что Ларри и сделал, добавив подвеску на шнурок, к ракушке.

Поколебавшись, Ларри выгреб из тайников сахар и увеличительное стекло и тоже затолкал в сумку. Стекло пригодится, чтобы разводить огонь, а сахаром перекусить куда интереснее, чем безвкусным пайком. Стихи он оставил – вот уж что вряд ли пригодится. А потом вышел на крыльцо, превратился в Ястреба и взлетел, мягко приминая крыльями воздух. Карту он помнил, небо было ясным, ветер – попутным. Как сказали бы много-много лет назад: чудесная погода для того, чтобы отправиться навстречу своей удаче.

Глава 3

Мед и камни

Ларри никогда еще не залетал так далеко. Одно дело наворачивать круги над морем вокруг родного острова и совсем другое – отправиться к горизонту, зная разве что направление (строго на восток, когда покажется земля – резко свернуть на юго-восток). В теории он понимал, что лететь над этой огромной водой, измятой волнами, придется целый вечер и ночь, он высчитал по карте, но через несколько часов теория грустно поблекла от встречи с практикой.

Шквальный ветер сносил в сторону, крылья ныли, бугристая серая поверхность внизу начала казаться угрожающей, чувство направления сбило.

«Ты потерялся, – шептал голос в его птичьей голове, и Ларри раздраженно пощелкивал клювом, чтобы заставить его заткнуться. – Тебе негде отдохнуть, ты упадешь от усталости и захлебнешься, пойдешь ко дну, мокрый ты ком перьев».

Ларри замолотил крыльями с удвоенной силой. По законам театральных пьес вроде «Героического Ястреба» в разгар испытаний должно было открыться второе дыхание, а у него и первое-то едва не закрылось. К ночи усталость стала просто невыносимой, волны шумно раскатывались внизу, да еще и дождь полил, как будто эта ночь поставила себе целью избавиться от Ларри во что бы то ни стало.

Всегда оставался вариант проскользнуть обратно домой через Тень, но сил на это уйдет немерено, а позора не оберешься, – слабакам вторых шансов не дают. Поэтому Ларри сказал себе, что назад не повернет ни за что, и прибег к верному средству дотянуть до берега: залез в собственное теневое хранилище.

Создать такой уголок может каждый, надо только вспомнить самый несчастный момент своей жизни. Воспроизвести в мельчайших подробностях, придать ему силу, и тогда воспоминание станет хранилищем, куда в любой момент легко попасть: сложить личные теневые предметы, если ты богатенький и они у тебя есть, или напитаться печалью, гневом и страхом, которые прибавят тебе сил. У Ларри хранилище было так себе, потому что воспоминание оставалось блеклым и, сколько он ни пытался, воссоздать его целиком не получалось.

Он зажмурил свои птичьи глаза и попал туда сразу, рывком. Гулкое бесконечное помещение с одинаковыми кроватями – уютная спальня много лет назад. Неясные тени других детей, контуры шкафов и стульев. Он сам, еще совсем мелкий, лет четырех, стоит у окна, а

воспитатель отнимает у него что-то мягкое. Предмет, который они тянут каждый к себе, выглядел размытым, потому что Ларри никак не мог вспомнить, что это было. Подушка? Какая-то одежда? Он где-то прятал эту вещь, не хотел, чтобы ее обнаружили, – но, конечно, однажды это произошло, и воспоминание, пусть увечное и нечеткое, разбивало ему сердце даже много лет спустя.

«Взрослый человек не должен позволять ни единой капле любви и привязанности проникать в его сердце, – писал Великий Магус. – Наш долг – учить своих детей вырывать из себя это чувство. Не обретение любви усиливает наш дух, наш анимус, но ее потеря».

И сейчас Ларри замер в этой призрачной комнате, снова и снова наблюдая один и тот же момент: у него что-то отнимают, поясняя, что это ради его будущего, а он кричит, потому что нет на свете ничего более ценного, чем этот мягкий на ощупь предмет. Где-то снаружи его тело трепала гроза над морем, а он сам был здесь и подпитывался собственными страданиями, потому что никакая буря и усталость не сравнятся с лютым ужасом того дня.

Ларри серьезно кивнул сам себе и открыл глаза. Дождевые капли били по клюву, крылья набрякли от влаги, но сил прибавилось. Как же прав был Магус: лучшее волшебство – то, которое можешь соткать из собственных потерь.

На рассвете, когда Ларри уже одеревенел от усталости и двигал крыльями на чистом упрямстве, впереди показался болотистый, расплывчатый в утреннем тумане берег. Будь Ларри персонажем какой-нибудь сцены «Героического Ястреба», он вскричал бы что-то вроде: «О, сила духа вновь меня спасла – основа и побед, и ремесла!», но в реальности он тупо подумал: «Ого, берег», и свернул к юго-востоку. Как ни странно, приземлиться больше не хотелось, – в глубинах усталости, видимо, есть точка, где тебе становится просто интересно, сколько ты еще протянешь.

Протянул он целый час, и на отличной скорости, хоть в личный рекорд заноси. Скучные болота внизу перешли в бодрую зелень, которая тянулась теперь во все стороны, – ничего себе лес! Потом крылья свело, и Ларри удивленно упал, неспешно размышляя, почему теперь летит вниз, а не вперед. По спине заколотили твердые колючие штуки – очевидно, именно так ощущаются ветки, если в них падать. Ларри открыл глаза, понял, что слегка заснул, и рывком успел выровнять направление за пару секунд до столкновения с землей. Все вокруг было поразительно зеленым, солнечным и ярким, но разглядеть подробности не вышло – Ларри на огромной скорости пропахал животом мягкую траву, проехал еще несколько метров, беспомощно хлопая крыльями, и затормозил головой о дерево.

Когда мир перестал бешено вращаться, Ларри усилием воли превратился в человека и кое-как перевернулся на спину. Верхушки деревьев сходились в небе, сквозь крупные резные листья пробивался свет. Легенды о том, будто солнце на острове Ястребов потускнело с тех пор, как там воцарилась Тень, оказались не такой уж и выдумкой. У них на острове все было угловатым, блеклым и жестким, а мир, где он оказался, выглядел так, будто каждую деталь любовно промыли мыльной водой. Травинки, хвоя и листья, складки на стволах деревьев, ягоды среди мха – Ларри сонно разглядывал все это, пока от ярких красок не заболели глаза. А вдруг золотая магия так и работает? Делает все красивым, убаюкивает бдительность, пока тебе не станет плевать на великие свершения. Не зря золотые народы были такими бесхребетными лентяями: зачем что-то делать, когда все вокруг такое плодородное и сочное?

Пора было глянуть в карту и высчитать, где именно он находится. Достать паек и съесть его, чтобы восстановить силы. Но Ларри сумел вдохновить себя только на одно, самое необходимое дело: отстегнул маску и, не вставая с земли, кое-как стащил влажную от дождя и пота униформу.

Одежда, которую он достал из сумки, при ближайшем рассмотрении оказалась странной: никаких крючков, ткань мягкая и бесформенная, шнуровка на рубахе и штанах. Размер подошел отлично – в отделе снабжения свое дело знали, – а вот с цветом было неясно. Штаны синие,

рубашка темно-красная с вышивкой, смешная плетеная обувь из соломы. Неужели люди тут правда так ходят? После благородно-серых оттенков униформы надевать такое было неприятно, но что же делать – Магус выбрал его за несгибаемый характер, а не за взгляды на моду.

Униформу он зарыл под деревом и сложил сверху несколько камней, отмечая место. Камни были увесистые, поросшие мхом и словно более настоящие, чем те, к которым он привык. Думать об этом было жутко, и Ларри мгновенно нашел способ с этим справиться: на четвереньках отполз от камней, рухнул под дерево и заснул.

Он открыл глаза и сразу понял, что времени прошло немало, медовый утренний свет сменился красноватым, вечерним. Ничего себе он проспал! Впрочем, была проблема и похуже: над его лицом, заслоняя деревья и небо, нависала чья-то морщинистая физиономия. Она была раза в два меньше человеческой и уродливая настолько, что Ларри дар речи потерял. Словно все недостатки внешности, какие только можно придумать, собрали в одном существе: ввалившиеся глаза с прожилками лопнувших сосудов, дряблая серая кожа, лицо вогнуто к центру, нос будто стремится втянуться обратно в череп. По зубам и волосам Ларри специалистом не был, видел их только у себя да у подпольщиков, но даже этой выборки было достаточно, чтобы судить: зубы редко бывают такими кривыми, а волосы – такими сальными и плоскими.

И кстати, о зубах. Ларри понял, что видит всю эту коллекцию желтых и торчащих в разных направлениях клычков потому, что их обладатель яростно скалится. Правила поведения в таких ситуациях гласили, что нужно выждать и оценить угрозу.

– Привет, – нерешительно сказала существо на языке, который Ларри теперь понимал. Смотреть, как двигаются человеческие губы, уже достаточно отвратительно, но любоваться на этот бледный тонкий рот было еще хуже. Ларри сглотнул, горло само дернулось, сжимаясь. – Ты чужак!

– Нет, – прошелестел Ларри. Чем он себя выдал? – Я местный. Люблю деревья.

«Что я несу», – подумал он. В школе они раз за разом отрабатывали ситуации вроде «Ты попадаешь в стан врагов», но он был совершенно не готов попасть в него так скоро. За неимением других идей Ларри поднял руки в знак подчинения и мирных намерений.

– Да нет же, это было не замечание! – утешило существо, и до Ларри наконец дошло: то, что он принял за безумный оскал, было приветственной улыбкой. – Я просто рад, что ты здесь. Очень, очень рад. Меня никогда не зовут на помощь, а я так хотел бы пригодиться!

– Ага, я с севера, – закивал Ларри. – Понял, что золотая магия проснулась, и отправился глянуть, как люди живут.

Уродливое существо снисходительно хмыкнуло.

– Ты скорее с северо-запада, врунишка, – прогудел низкий голос за его плечом. – С этого островка посреди моря, где днем и ночью воеет ветер.

– Ка... Какого островка? – прошелестел Ларри. Его со всех сторон окружили, а он и не заметил. – Я и моря-то никогда не видел. Кстати, мне уже пора – еще столько всего надо осмотреть!

Он выскользнул из-под нависающего над ним уродца, сел – и замер. Окружили его куда сильнее, чем он предполагал, – вокруг расселся десяток существ самого разного вида. Три сотканые из воды полупрозрачные красавицы, веселая блондинка в пышном платье, человекообразная груда камней, маленькое существо, похожее на крота в костюмчике, рослый худой парень с кожей, под которой словно огонь переливался. Прямо рядом с Ларри, среди корней дерева, дремало нечто пушистое и длиннорукое, в полусне почесывая длинным когтем нос.

– Э, – сказал Ларри. Рука так и тянулась в Тень за оружием, но он сдержался. – Всем недоб... Доброго дня. Смотрите, что это там такое странное?

Все головы развернулись туда, куда он показывал, а Ларри бросился в противоположную сторону. В школе у него были высокие оценки по бегу, но это, увы, не помогло: ветка куста обвила вокруг его ноги и дернула на себя. Ларри растянулся на животе, лихорадочно пере-

бирая в голове модели поведения: испуг, дружелюбие, нападение, разговор. Пожалуй, дружелюбный испуг – самое то.

Он перевалился на спину и оглядел столпившихся вокруг существ, кривясь и подрагивая. Даже прикидываться особо не пришлось, его пугало исходящее от этих тварей тепло, непохожее на обычное изменение температуры воздуха: оно ощущалось на коже как мягкое, поглаживающее прикосновение.

– Я ничего не сделал, – прошептал Ларри. – Можно, я пойду?

– Мы тебя не обидим, – затараторил уродец. – Я всем объяснил, пока мы смотрели, как ты спишь, что с чужаками надо поступать по старинным законам.

Ларри затруднялся выбрать, что тут звучало хуже: то, что весь этот цирк смотрел, как он спит, или «старинные законы встречи с чужаками». Утопят? Разорвут? Превратят во что-нибудь? Нет, нет, золотая магия не так работает, а судя по неуютному теплему покалыванию, которое он чувствовал всем телом, вокруг была именно она.

– Я простой крестьянин, – забормотал он. – У меня есть лошадь и корова. Куры. Они меня ждут. Пожалуйста, не...

– Нет у тебя никаких кур, – огрызнулась блондинка в пышном платье. Ветер слегка перебирал ее длинные пряди, хотя никакого ветра Ларри не чувствовал. – Заткнись, сядь и поешь. Я этого не одобряю, но Хмырь сказал, что...

– Хмырь – это я, – встрял уродец. – Я ощущаю присутствие чужаков, меня к ним тянет. Как ты появился, я всех и собрал. Наша магия запрещает вредить даже таким, как ты, но тебя хотели перенести отсюда подальше. Очень-очень далеко.

«Это бесполезно, я бы вернулся», – подумал Ларри, а вслух жалко заныл, подняв руки выше:

– Я с севера, понимаю, мы для вас чужаки, но теперь золотая магия вернулась, мы все снова братья, и...

– Ой, хватит, слушать противно, – отрезала одна из прозрачных водных красавиц. – От тебя холодом веет так, что листья скоро завянут. Это раз. Нижняя половина лица бледнее верхней. Это два. И Хмырь сразу понял, что ты Ястреб. Прямо-таки радостно заорал.

– Я верю, что однажды мы все помиримся, и нам очень нужна твоя помощь, – важно сказал Хмырь. Он выглядел так, будто внезапно ощутил свою полезность и теперь раздувается от гордости. – Угощайся, все вкусное.

План действий «дружелюбный испуг» себя исчерпал, и Ларри бросил прикидываться. Он настороженно сел и уставился на уродца, вспомнив наконец, что читал о подобных созданиях.

– Ты – Ксенос, – пробормотал он. – Такие, как ты, заводились в краях, где сосуществовало несколько племен. Вы разбирали их споры и все такое.

– Это были мои братья, – прошептал уродец. – Они погибли, когда золотая магия закончилась. А я был под куполом и выжил.

– Мстить будешь? – уточнил Ларри, чтобы скорректировать линию поведения.

– Конечно нет. Моя работа – примирять непохожих. А ты – Ястреб, то есть на нас совсем-совсем не похож. Мы подружимся, и ты объяснишь нам, как договориться с другими Ястребами. Все народы земли – братья, я в это верю. Только не лезь в Тень, ладно?

Ларри медленно выдохнул. Страх как рукой сняло – что ему сделают эти смешные дурачки?

– Я не собираюсь никому вредить, сам в бегах, – вдохновенно начал он, потому что врать на благо Империи – не стыдно. – Я из подпольщиков, которые борются за возвращение золотой магии, и меня хотели арестовать. А я услышал про ваш бунт и сбежал сюда, чтобы научиться пользоваться анимой и принести знания своему народу.

Лица вокруг просветлели.

– Я... Я... – сдавленно начал каменный монстр. – Я знал, что у Ястребов когда-то тоже была анима, но я думал, что Тень вас превратила в чудовищ. Выжгла все хорошее насовсем.

– Разве я похож на чудовище? – дружелюбно спросил Ларри. Он нащупал линию разговора и старался просто не думать о том, с кем именно этот разговор ведет. – У нас тоже остались те, кто борется за свободу. Поделитесь как?

Существа переглянулись, и Ларри торопливо растянул губы в улыбке. Без маски собственное лицо ощущалось будто чужое.

– Нельзя верить Ястребам, – прожурчала водная дева.

– Мы вчера сами видели одного, и Нил сказал, можно, – упрямо пробормотал Крот-В-Костюмчике.

– Тот не настоящий Ястреб, он местный, наш! – выпалила девушка в пышном платье.

А вот это уже интересно.

– Любезные существа, расскажите мне, что за Ястреб? – смиренно попросил Ларри. – В этих краях есть кто-то с моего острова? Может, он поможет мне в борьбе?

– Есть, он с золотым стрижем, – кивнул Хмырь и обвел всех торжествующим взглядом. – Я же говорил, что Ястребы – просто люди, только очень грустные! И вот, пожалуйста: что тот, что этот, обычные парнишки!

Ну конечно. Он им покажет обычного парнишку.

– А где их найти? Тех двоих? – спросил Ларри, но тут, кажется, даже таких болванов взяла подозрительность.

– Откуда нам знать, что ты не хочешь им навредить? – нахмурилась водная дева.

– Если бы я хотел кому-то навредить, я бы уже это сделал. Плохие Ястребы уничтожают все на своем пути, они не стали бы тут с вами болтать, – брякнул Ларри.

– А почему от тебя так веет холодом?

– Я всю жизнь провел на острове Ястребов, а он пропитан Тенью. Золотая магия полностью выжжена, мы только мечтаем о ней. Но вот смотрите: я могу говорить слова «хороший», «добрый» и «любовь». Разве Ястреб-захватчик смог бы?

Конечно, смог бы, – но как удобно, что Ястребов представляют бессмысленными злобными тварями. Ларри робко улыбнулся, и существа расслабились. Похоже, его лицо и правда располагало к себе, Магус не ошибся.

– Так где мне найти золотого стрижа и того полу-ястреба?

– Они поплы...

– Стой-ка, – прервал блондинку чей-то ворчливый голос, и она послушно захлопнула рот.

Вперед вышел коротышка с седоватой рыжей бородой, которого Ларри сначала не заметил: тепло, не по сезону, одетый и в глупой шапке.

– Я знаю, как проверить, что ты не врешь, – задумчиво протянул коротышка. Выглядел он поумнее остальных, и Ларри улыбнулся еще старательнее. – Хмырь прав, я с ним никогда и не спорил: вы, Ястребы, просто несчастные, сами себя обокравшие люди, которым Магус задурил голову. И в тебе я чувствую какую-то огромную печаль. Покажи мне ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.